

Вадим
Загоренко

КНЯЖЕСКОЕ ПРАВИЛО

Вадим Загоренко

Княжеское правило

«Автор»

2024

Загоренко В.

Княжеское правило / В. Загоренко — «Автор», 2024

1174 год. Князь Андрей Боголюбский убит в своем дворце своими слугами. Убийцы сбежали, в княжество идет междоусобная война. Идти по следам заговорщиков отправляют молодого дружинника Олега. Он мечтает о славе и богатствах, хочет стать таким же героем, как его отец. Но можно ли играть по княжеским правилам и остаться собой?

© Загоренко В., 2024

© Автор, 2024

Вадим Загоренко

Княжеское правило

Глава первая

В которой ищут яблоки, объясняют правила боев без правил и соревнуются за приглашение.

Пыль была повсюду: в палатках, на дорогах, в волосах, в кольчугах, в воде и в еде. Тысячи ног, копыт и колес поднимали целые бури, в которых смешивались песок и пыльца. Эта смесь взлетала, летела на легком ветре и оседала даже в самых дальних и темных углах.

Олег жил в лагере под Боголюбово уже третий день, но так и не привык к этому воздуху. Вдохнув слишком глубоко, он зашелся громким кашлем.

– Ты чего, захворал? – спросил Еремей.

– Здоровее всех, – ответил Олег, прочистив горло. – Но после вчерашней каши думал, что душу отдам.

– Опять началось нытье.

– Это разве еда? Они воинов кормят или скот?

– А ты разве воин?

Еремей толкнул Олега в плечо и гоготнул, довольный своей шуткой. У сорокалетнего сотника такие простые хохмы получались особенно душевными.

Олег потер плечо и нахмурился. С другими дружинниками Еремей так не шутил. Звание у него было высокое, но с бойцами он все равно говорил как с равными, с уважением. Оно и понятно – остальные это уважение заслужили по-честному, в настоящих боях. Животом рискнули, оружием поиграли, все как нужно.

Везет им. Олег за два года в дружине так ни разу в сражении и не побывал. Какое ему уважение?

Но это ничего. Скоро будет где разгуляться, это любому понятно.

Вокруг гудело владимирское войско. Не просто полк, не просто дружина, а настоящее войско. Бойцы съехались из десятков разных городов, деревень и крепостей по всему Залесью и за его пределами. Такой большой компанией они не собирались уже давно. Тут и там гремели радостные приветствия, старые знакомые обнимались и обменивались новостями.

Каждые несколько часов лагерь вырастал, становился шире. С юга, с запада и с востока приходили новые отряды. Вели их бояре и малые князья, которые стояли за Владимир. Одни приводили по десять человек, другие – по тридцать, а некоторые и по сотне. Долго такая толпа на одном месте стоять не может. Так даже травы коням не хватит, не то что еды людям. Значит, скоро куда-то пойдут.

Только вот куда? Этого им никто не говорил. Пока.

Командиры объявили день свободным, дружинники с удовольствием этим воспользовались. Одни лениво нежились на солнце, другие пошли купаться в реке Нерли, третьи отправились искать дичь в лесу.

Гости поважнее – бояре и князья – ждали вечера, когда начнется пир в палатах владимирского князя – Андрея Боголюбского. Там им должны были наконец объяснить, зачем их собрали. Всех на пир, конечно, не позовут – даже огромные княжеские палаты столько народу не вместят. Простым воинам придется остаться у костров под открытым небом. Но и в лагере можно хорошо разгуляться, скучать будет некогда.

Уставшему сначала от похода, а потом от работы на стоянке Олегу хотелось, чтобы веселье началось побыстрее. Но в то же время что-то его тревожило, как будто иногда кололи иголкой в спину.

– Не слышно из дворца чего-нибудь? – спросил Олег.

– Ни слова. Вчера видел ключника княжеского, попытался его разговорить. Шиш там, он как воды в рот набрал!

– Но начальники ведь что-то знать должны. Война или не война?

– Понятное дело, что война, – Еремей глубокомысленно хмыкнул. – Войско созывают не чтобы цветочки собирать.

Олег поежился. Если правда война – это хорошо, наконец-то. Покажет себя, сможет в глаза отцу без стыда смотреть, пепред девицами хвастать и все остальное. Боязно немного. Но как иначе?

Они прошли мимо пышущего жаром костра, над которым бурлил большой котел с супом, повернули у высокой груды дров и вышли к синему шатру расшитому серебряными нитями – ставке их хозяина, Михаила Юрьевича. Еремей оправил рубаху и пригладил волосы, мелко перекрестился.

– Дурака там не валяй, пока с тобой не заговорят – молчи.

– Да знаю я все, хватит, – буркнул Олег, стараясь скрыть свое беспокойство. Так близко с важными людьми он еще не общался. – Чего позвали хоть?

– Сейчас тебе все объяснят, пойдем.

Они вошли в шатер. Внутри было душно и пахло жареным мясом. В углу стояла простая деревянная кровать, а посередине шатра – низкий стол и два табурета.

На одном сидел сам Михаил – мужчина среднего возраста и среднего роста, с покатыми плечами, квадратной челюстью и кустистыми бровями. Одет он был в простое темное платье, но рядом лежали его пластинчатые доспехи. Князь ведь должен быть всегда готовым к бою.

Михаил был братом Боголюбского, но с уделом ему не повезло – он правил небольшим городком Торческом на юге и мог содержать лишь маленькую дружину. А если у князя ни города большого, ни воинства – то на него и внимания никто не обратит. Так и жил он долгое время, неприметной частью большой недружной семьи Рюриковичей.

Но недавно все начало меняться. Михала все чаще звали во Владимир на разговоры со старшим братом. О чем они беседовали – никто не знал, но встреча с великим князем и сама по себе много значит. Кто-то даже поговаривал, что обсуждают они там наследство и судьбу всего княжества.

Напротив Михаила, закинув ногу на ногу, расположился смуглый мужчина лет тридцати. Олег видел его с Михаилом и раньше, но лично не знакомился.

Все в этом человеке было каким-то странным, непонятным: зачесанные назад темные кудрявые волосы, коротко стриженная борода, ярко-красная длинная рубаха со строгими узорами, золотые кольца на пальцах. Пришлый, наверное. Латинянин или грек?

На столе перед ними стояла пузатая бутылка вина и два стакана.

– Точно тебе говорю: яблоко тут! – возбужденно закричал князь, тыкая пальцем в собеседника.

– Господин, при всем моем почтении – никакого яблока тут нет, это глупость, – ответил незнакомец с мягким греческим говором.

– Брешешь! Еремей, иди сюда!

Сотник быстро подошел ко столу. Михаил протянул ему стакан.

– Вот, выпей, и скажи, какой вкус чувствуешь.

Еремей кивнул и одним махом опустошил стакан. Князь всплеснул руками.

– Куда так сразу! Это же дорогое, из Царьграда, его тянуть надо! Ладно, Бог с тобой – яблоко на вкус чувствуешь? Честно говори!

– Ну, как сказать... Надо побольше, чтобы распробовать...

Еремей растерянно почесал затылок и уставился на князя. Михаил насупился, вздохнул и забрал стакан обратно.

– Понятно все, нету никаких яблок там.

– С вас пять гривен, господин, – с довольной улыбкой сказал грек.

– Да помню я, не ухмыляйся! Роба хитрая... Потом отдам, от тебя не убежишь. Еремей, чего пришел?

– Князь, ты сказал самого сильного из моих молодцов привести. Вот, это Олег. Сын Костя Прыгуна. В осаду у нас на стенах стоял, целыми днями, глаз не смыкал. Умный, проворный. Даже грамотный!

– Помню Костя, хороший мужик был. Сына, наверное, такого же вырастил, – Михаил внимательно осмотрел Олега. – Молодой совсем. Но плечи широкие, руки длинные. Все по богатырски, в отца. Сколько лет?

– Осенью двадцать два будет, – выпятив грудь ответил Олег.

– Значит ты еще больше вымахать можешь? Страх какой. А драться умеешь?

– Пробовал, вроде получается.

– Неуверенно говоришь. Нехорошо, – князь прищурился, еще раз осмотрел Олега, – но раз тебя выбрали – значит ты и пойдешь. Василий, объясни ему что да как.

Грек встал и чуть поклонился дружиннику. От него пахло чем-то странным, совсем непотребным. Цветами, что ли? От какого мужчины пахнет цветами?

– Видишь ли, воин, – начал Василий, – твой князь и другие благородные люди в лагере решили насладиться древним и гордым развлечением – панкратионом.

– Это чего такое?

– Кулачный бой у них так называется, – объяснил Михаил. – Представляете, греки тоже дерутся! Но не как мы, по-своему, Вася нам так объяснил красиво, что мы захотели посмотреть.

– Главное отличие от ваших бое – в панкратионе меньше правил. Можно бить ногами, можно душить, можно хватать за волосы, – Василий пожал плечами. – А дальше все то же самое. Бьются до первой крови или до того, как один из участников сдастся.

– Ага, понятно, – Олег пожевал губу. – И я драться в этом самом состязании буду?

– Конечно будешь, тебя же твой сотник выбрал, – заявил Михаил. – Ты не бойсь, не за просто так Я денег на тебя поставлю, если выиграешь – поделюсь. А еще на пир с собой возьму.

Олег так удивился, что не смог удержать челюсть на месте.

Пир Боголюбского был не просто богатым ужином на богатом доме. Это было собрание самых важных людей в княжестве, может и во всей Руси. Обычных бойцов на такие праздники не приглашали.

– А ведь... А можно?

– Мне можно. Андрей сказал с собой двух людей позвать. Василий пиры не любит, отказался. Еремея возьму, он же старший. Только он еще и страшный как грех, смотреть жутко. Так что хоть твое молодое лицо покажу, если в драке не расквасят. Пусть не думают, что у нас все криворожие ходят.

Еремей обиженно хмыкнул, но ничего не сказал. По правде говоря, он действительно не был красавцем. Толстый, с квадратным лицом, редящими рыжими волосами и веснушками – прилично для лагеря и поля битвы, но во дворце, наверное, не совсем то.

Олег, тоже не был писанным красавцем: роста среднего, волосами русый, лицо не противное, но обычное, квадратное. Еще и щетина неровная отросла, синяки под глазами, руки грязные... Но, если отмыться да причесаться, да рубаху хорошую надеть, то может и пустят в палаты. А там уж такое может быть...

– Раз надо – значит буду драться, – решил дружинник.

– Отлично! Храбрый и решительный, таким и нужно быть воину, – Василий довольно кивнул. – Начинаем в полдень у реки. Там особое место будет, не пропустите. А пока советую выпить красного вина, оно хорошо на победу настраивает.

– Смотри там, не оплошай, – Михаил предупреждающе погрозил дружиннику пальцем. – Жду победы, да не какой-нибудь, а красивой.

Еремей и Олег поклонились и вышли из шатра. Яркое летнее солнце ударило их по глазам и заставило зажмуриться. Жара крепчала.

Мимо прошел насупленный пастух, подгоняя отару овцами криками и хворостиной. Скот на убой бесконечным потоком стекался к дворцу князя из ближайших деревень. На таких пирах много мяса не бывает.

– Что за грек? – спросил Олег

– Бес его знает. Недавно появился, везде за князем таскается, – ответил Еремей. Сотник посмотрел на Олега с неожиданно серьезным лицом. – Не боязно тебе на драку ижти?

– А чего тут бояться? Я и у себя в деревне, и на ярмарках дрался. Ничего, так ни разу и не положили.

– Так это не ярмарочная драка, а особенная. Без правил. В такой могут кости поломать, а могут и убить нечаянно. Я сам видел, как одному парню в ухо ногой со всей силы зарядили: он упал и об забор ударился. Потом всю жизнь дураком ходил.

– Но ведь тут так не будет...

– Да может и хуже будет! – Еремей мрачно покачал головой. – С этими греческими штуками вообще непонятно. Ту думаешь, почему они такие странные все? Потому что пинают друг друга и душат.

– Ну не разрешат же они убивать?! – неуверенно возразил Олег.

– А чего тут разрешать? Стукнут неаккуратно, и все.

Олег глубоко расстроился и уже начал думать, как бы избежать боя. Но потом он заметил озорной блеск в глазах десятника.

– Ты меня дразнишь, что ли?

Еремей захохотал. Смех у него был приятный: низкий, раскатистый, заразительный. Олег невольно улыбнулся.

– Не пугайся, молодой! Ничего с тобой не будет. Князь за своими присматривает, это раз. А пойдут против тебя такие же зеленые, которые разве что на площадях руками махали. Убивать там никто не умеет. Это два.

– А если кто-нибудь бывалый будет?

– Не будет. Им такое неинтересно. Да и мало нас, бывалых, осталось. Почти все либо в Бугарии полегли, либо под Вышгородом утонули! Будешь одногодок-неумех бить. А чтобы хорошо бил, пойдём поищем тебе вина, как грек советовал.

Любой большой лагерь, который стоял на месте больше двух дней, быстро превращался в базар. К стоянке съезжались купцы, ремесленники и крестьяне. Они знали, что дружинники всегда готовы потратить жалование на еду и удобную одежду. Особенно щедрыми они становились перед войной – зачем экономить, если скоро выходить в поле?

Торговали и сами дружинники. Одни хотели обменять старую броню на новые сапоги, другие продавали трофеи, а самые опытные выставляли на прилавки привезенные из дома припасы.

Были там и гулящие женщины, врачеватели, кузнецы и много кто еще. Даже заговоры и обереги предлагали на отшибе.

На базаре было тесно, громко, грязно и весело. Все торговались, но без злобы, не из жадности, а больше для забавы. Виляя между толпами покупателей и продавцов, Еремей и Олег быстро нашли торговца вином.

Пухлый мужик в покрытой пятнами рубахе, насвистывая, большим черпаком разливал красное в деревянные стаканы. Вино было по-настоящему воинским – кислым и водянистым. В таком нет ни яблока, ни груши, ни других приятных вкусов. Такое вообще пьют не для вкуса.

Олег осушил стакан одним махом и поморщился.

– Да уж, вкус победы.

– Олежа, ты вечером на пир во дворец пойдешь. В настоящий дворец, княжеский! – Еремей постучал себя по лбу. – Дурень, радуйся! Там такое попробуешь, что внукам рассказывать будешь!

– Да нас посадят где-нибудь со слугами и объедки кидать будут.

– Тамошние объедки лучше, чем все тутешние обеды. Не пойму тебя – такое счастье, так свезло, а ты все недовольный. Дратся боишься?

– Ничего не боюсь! – выпятив грудь торопливо ответил Олег. – Просто как-то странно. Зачем начальникам смотреть, как мужики друг другу рожи бьют? Неужели им такое интересно?

– Так, слушай меня, – Еремей назидательно поднял палец. – У вас в глуши, наверное, думают, что князья с неба спустились. Запомни – они такие же, как мы, из мяса и крови. И нравятся им такие же мужицкие вещи, как и нам. Только у них власть и деньги есть, поэтому могут себе больше позволить. Смекаешь?

– Смекаю.

– Ну вот. Это еще и греческий бой, царьградский, – сотник многозначительно пошевелил бровями. – А князья у нас все греческое уважают, как княжны все франкское. Так что ты их в этой свистопляске повесели, а они тебя наградят.

– А потом что?

– Не знаю. Повезет – заметят, пригреют. Не повезет – хоть живот набьешь.

Олег усмехнулся. Все это было непонятно, но раз ему наконец дают показать себя, и не кому-то там, а большим людям... Кто знает, может на пиру его увидит сам Боголюбский?

С таких счастливых случаев ведь и начинается настоящая служба. Сначала внимание получаешь, потом тебе особые поручения дают, затем десятником делают, дальше – сотником. Может даже свой маленький надел подарят.

Зачем еще идти в дружину, если не за этим?

Еремей ободряюще хлопнул Олега по спине.

– Пойдем уже, начинают скоро. Может тебе по голове дадут и дурь вышибут.

Они направились к Нерли. На берегу речки было так желюдно, как и в торговых рядах. Солнце стояло в зените, погода была безоблачная и безветренная, поэтому дружинники и гости лагеря спасались от давящей жары у воды. Несколько торговцев потянулись за ними и громко предлагали закуски и холодную брагу.

Вдалеке можно было разглядеть шпиль церкви Покрова. Олегу рассказывали, что ее там поставили недавно, в память о погибшем в походе старшем сыне великого князя – Изяславе. Церковь была маленькая, аккуратная, приятно смотрелась между покатыстыми холмами и широкой дорогой.

Олег подумал, что с радостью зашел бы туда помолиться или просто посидеть в тишине, но Еремей неумолимо тащил его к собравшейся у небольшой рощи толпы. Там, между возбужденных зрителей, развевались стяги разных отрядов. Шумели свиристели и барабаны, кто-то горланил похабную песню.

Чуть поодаль стояло само место для боя: круг, огороженный длинными бревнами. Там же стояла скамья для самых почтенных зрителей: малых князей и бояр. Михаил сидел там и разговаривал с мужчиной в пыльном плаще.

– Смотри, наш с Кучковичем болтает. Небось затеяли что-то, – заметил Еремей.

Боярин Петр Кучкович был зятем Боголюбского. Лет сорока с небольшим, крепко сложенный, с коротко стриженными черными волосами и красивым лицом. Выглядел по-молодецки, как лихой, но мудрый воин из былин. Рядом с ним со скучающим видом сидел его младший брат Яким – такой же, как старший, только толще и некрасивый.

Олег не интересовался, делами хозяев, но слышал, что у Кучковичей есть много земель на юге Залесья. Лет двадцать назад сестра Петра и Якима – Улита Кучковна – стала женой князя. Тогда на семью посыпались подарки и почести. У бояр даже была своя грозная дружина, которую боялись все их соседи.

Вроде бы была еще какая-то мрачная история между отцом Петра и отцом Боголюбского – князем Юрием Долгоруким. Но что там случилось – того Олег уже не помнил. В этих чашах черт ногу сломит.

Михаил и Петр закончили разговор, пожали друг другу руки и повернулись к арене.

– Давай, парень, с Богом, – Еремей хлопнул Олега по спине и отошел к своим знакомцам в толпе.

Олег протолкался сквозь зрителей и увидел группу молодых дружинников, перед которыми стоял Василий. Грек что-то говорил, показывая то на зрителей, то на круг.

Заметив Олега, он улыбнулся и помахал ему:

– А вот и наш последний боец. Я как раз объяснял правила, повторю еще раз: драться можно как угодно, но без оружия. Выходить за пределы арены нельзя. Бой заканчивается, когда один из участников сдастся или больше не может драться. Все понятно?

Олег кивнул и оценивающе осмотрел других бойцов. Они были молодыми, где-то тех же лет, что и он. Одни выглядели беспокойными, другие дерзко улыбались и смотрели на остальных свысока. Под рубахами у них виднелись кресты, колдовские обереги и талисманы, а у некоторых и все сразу. Все, похоже, были сильными и проворными.

Василий вышел на арену и несколько раз громко хлопнул в ладоши, привлекая к себе внимание. Грек начал говорить – что-то про героизм, величественное состязание и честь. Олег его не слушал.

Перед кулачными боями в родной деревне он чувствовал себя иначе. Волновался, понятное дело, иногда даже боялся. Но куда сильнее в нем тогда были азарт, возбуждение, желание поиграть силой на радость зрительницам.

Теперь все было по-другому. Будто старую забаву превратили в серьезную работу, за которую его будут строго судить. Олег нервно передернул плечами. С первого дня в дружине ему хотелось выслужиться, заслужить похвалу кого-нибудь важного. Остаться простым бойцом до старости он не собирался, но не боевым же скоморохом ради этого становиться!

Вскоре Олег услышал свое имя – грек приглашал его войти в круг. Зрители шумели и делали ставки, другой боец уже разминался. Олег покосился в сторону скамьи для господ и поймал взгляд Михаила: внимательный, цепкий. И будто подбадривающий.

Ладно, ради такого внимания можно и боевым скоморохом побыть.

Два боя Олег выиграл быстро и без особого труда. Его первый соперник сразу ушел в глухую оборону, закрывая тело и голову и надеясь измотать Олега. Он ответил по-простому: начал метельить плотно и с большим замахом. Сила против упорства.

В конце сила выиграла. Олег занес кулак для удара справа, затем вильнул вбок и положил соперника на землю метким ударом в челюсть. Парень попытался встать, но не смог.

Зрители зашумели, закричали, захлопали в ладоши. Кто-то из толпы протянул Олегу кружку с брагой. Он осушил ее двумя жадными глотками.

Второй противник оказался опаснее. Юркий парень из Суздаля не переставал двигаться из стороны в сторону, легко уворачивался от атак. Сам он предпочитал бить ногами – Олег к таким дракам не привык и пропустил два неприятных пинка в живот.

Но затем ему крупно повезло. Суздавец споткнулся и на мгновение отвлекся. Олегу этого хватило, чтобы подобраться ближе, наступить парню на ногу и тут же ударить в живот. Суздавец ухнул, медленно опустился на землю и ударил пятерней по песку. Сдался.

Зрители закричали еще громче.

Переводя дыхание, Олег вышел из круга и присел, притворяясь что не устал. Кто-то обнял его сзади мясистыми волосатыми руками.

– Молодец, Олежа, отлично идешь! – прокричал Еремей. – Последний остался!

– Как последний? Уже?

– Да, сейчас Кучковский парень с Мякинским помахаются, а потом ты с победителем. Отделаешь его и все, пойдем гулять во дворец!

Олег растерянно посмотрел на Еремея. Разве такой приз можно выиграть так быстро, за три сходки?

– Сразу драться будем? Без перерыва?

– Передохнуть дадут, но недолго. Так что бодрись давай, князь ждет!

В следующем бою быстро победил воин Кучковичей. Широкоплечий парень бил ловко и неожиданно, а в конце просто напрыгнул на противника, повалил его на землю и начал душить, пока тот он не сдался.

Победителям дали несколько минут. Олег заметил, что на скамейке для благородных вдруг стало тихо. Малые князья и бояре подсчитывали выигрыши и проигрыши от ставок. Михаил поймал взгляд дружинника и кивнул ему с теплой улыбкой.

Олег кивнул в ответ и понадеялся, что никто не заметил смущенный румянец на его щеках.

Когда перерыв закончился, в круг снова вышел Василий. Грек хлопнул в ладоши, привлекая внимание зрителей, и неожиданно громко заголосил.

– Князья, бояре, воины! – крикнул он, разводя руками. – Мы увидели прекрасные бои мужественных воинов. Кто-то выиграл, кто-то проиграл, но мы воздаем хвалу храбрости и силе всех бойцов!

Пара бояр вяло прогудели что-то одобрителное, остальные промолчали. Простые дружинники проигравших не особо уважали. Да и говорил грек сложно, непонятно.

– Теперь мы узрим поединок двух лучших мужей, героев, которые доказали свою силу, – продолжал грек. – От боярина Петра Кучковича выйдет достойный Ивка!

Черноволокный парень с большим кривым носом вышел на арену и воинственно ударил себя в грудь. Олег закатил глаза. Перед боем так обычно хвастаются те, кто потом быстрее всех убегают. Ну или те, кто действительно хороши.

– А от князя Михаил Торческого выходит могучий Олег!

Под ободряющие крики и улюлюканье зрителей Олег перешагнул через бревна. Его ноги и руки начали зудеть от усталости, в голове стоял неприятный шум. Но он твердо решил, что доведет дело до конца. Не бежать же от славы, когда она сама в руки идет.

Василий вышел за пределы арены, подержал тишину и крикнул:

– Начинайте!

Мир Олега сжался. Он не слышал шума толпы, не видел палящего солнца. Остались только арена, соперник и стук крови в ушах. Хорошо, бодряще.

Ивка не стал терять времени и с ревом бросился в атаку. Олег еле успел принять стойку, как на него обрушился град ударов. Не ожидавшие такого натиска зрители притихли.

Кулаки Ивки летали из стороны в сторону, каждый удар прилетал с силой маленького молота. Олегу оставалось лишь защищаться и ждать.

Не сумев проломить защиту противника с первой попытки, Ивка сделал два быстрых шага назад. Олег увидел возможность для ответа и бросился вперед.

Коренастый и широкоплечий парень оказался проворным. Ивка отскочил в сторону так быстро, что Олег не успел остановиться. Он пролетел мимо и получил резкий удар в бедро.

Олег скрипнул зубами. Больно, еще и выглядит неуклюжим. Обидно.

Ивка вновь надел на него с острыми, хлесткими ударами. Бойцы рычали и кружили вокруг друг друга, будто танцующая на деревенском празднике. Небольшой круг стал казаться совсем тесным.

Олег уставал, двигался все медленнее и тяжелее. Ивка наоборот выглядел бодрым и полным сил. Если так продолжится и дальше, то кучковскому бойцу даже драться не придется – Олег упадет сам по себе. Нужно побеждать сейчас.

Олег вильнул в сторону, схватил руку соперника за запястье и дернул его к себе. Ивка не сопротивлялся – оказавшись ближе, он просто ударил Олега в висок свободной рукой и толкнул его вперед.

Олег покачнулся и упал.

В глазах поплыло, тело отказывалось двигаться. Олег моргал и смотрел на смазанные силуэты оживившихся зрителей, которые что-то кричали бойцам и махали руками. Ивка демонстративно повернулся к нему спиной и снова начал бить себя в грудь. Солнце все так же беспощадно жарило всех под собой.

Олег с трудом приподнял голову. На душе было мерзко, но боль тела была намного хуже. Пора сдаваться.

Затем дружинник увидел вставшего со скамьи Михаила. Князь смотрел на него со смесью жалости и осуждения.

Как ему объяснить поражение? Как он может такое простить?

Олег сплюнул набившийся в рот песок и медленно встал. Ивка обернулся и недовольно скривился. Уже надеялся, что продолжать драку не придется.

– До конца, значит,? Давай тогда! – крикнул он.

Олег присел и широко расставил руки. Выглядел он смешно, как шут на ярмарке. Но это было не важно.

Ивка усмехнулся и двинулся вперед. Он не торопился, готовился отбить любую атаку снизу. Но когда он оказался достаточно близко, Олег подпрыгнул и изо всех сил ударил противника по ушам.

Ивка вздрогнул, оглушенный внезапной болью. Первый удар ногой заставил его пошатнуться, а второй отправил на землю.

Олег не стал заигрывать со зрителями и сразу же придавил грудь противника коленом и начал бить его сверху. Ивка безуспешно пытался вывернуться из захвата, но только открывался для новых ударов.

Вскоре, хрипя от удушья, боец Кучковичей стал бить ладонью по земле.

Дружинники, торговцы и другие зрители взревели. Кто-то прыгал и обнимался с соседями, радуясь выигрышу. Другие ругались и плевали под ноги. Все смотрели на Олега с уважением.

Дружинник встал, рассеянно пожал протянутые руки. Он смутно понимал, что должен радоваться и принимать поздравления. Но ему хотелось только заползти в свою палатку и проспать несколько лет.

Еремей подлетел к нему и смял в медвежьих объятиях:

– Я же говорил! Я же говорил, а?! Витязь, настоящий витязь, молодчина! Ух, сейчас отмечать пойдем...

Михаил был занят разговором с соседями на лавке и подсчетом полученных денег. Но потом он бросил взгляд на Олега и широко улыбнулся.

Князь Торческа был господином строгим и требовательным. Слуг своих не баловал, просто так милости не раздавал. Поэтому эта улыбка Олегу запомнилась надолго.

От радости и напряжения у дружинника закружилась голова. Присев на землю, он посмотрел на возвышавшийся над лагерем холм. Там на солнце блестели дворцовые башни. Там их ждал Андрей Боголюбский.

Глава вторая

В которой рассказывают удивительные истории, принимают нового наследника и носят бочки.

– А в середине города того стоит круглый дом без крыши – Колосей называется. Стоят там скамьи на тысячи людей, и яма большая между ними. И живет там колдун по имени Вергилий, что мертвых воскрешает и командует ими как рабами своими...

Старик-рассказчик вещал со страстью. Размахивал руками, стучал по столу, топал ногами, корчил рожи. То ли искренне переживал от своих историй, то ли просто решил, что так зрителям будет интереснее. Таким бродячим умельцам приходилось всегда бороться за слушателей, у каждого были свои хитрости.

Олег слушал старика вполуха. Сказки его веселили, но куда больше его занимали люди вокруг.

В большом зале стояли три широких и очень длинных стола. Слева, на удобных скамьях с подушками, расположились бояре, тысяцкие, тиуны и другие старшие слуги великого князя. Все были красивые, разодетые с холеными лицами. Они слушали старика со снисходительными ухмылками, почесывая бороды и отхлебывая вина из кубков. Кто-то с аппетитом поглощал мясо кабана и куриц, другие тихо переговаривались.

Справа, на скамьях попроще, в тесноте сидели сотники, десятники и простые дружинники, которых хозяева великодушно взяли с собой. Они заворожено внимали рассказчику, изредка прикладываясь к глубоким братинам с брагой. Бойцы чаще всего были людьми неискушенными. Про дальние земли, тамошних правителей и колдунов они не знали почти ничего, поэтому слушать про все это им было интересно, даже если врут.

А за главным столом восседали приближенные великого князя: бояре, важные церковники и малые князья. Среди них был и Михаил. Там все выглядели по-разному: одни вертелись и перешептывались с соседями, другие сидели неподвижно, полные тихого достоинства.

Сам князь Боголюбский, сидевший посередине, рассеянно перебирал четки. На рассказчика он смотрел со скептической ухмылкой.

– Красиво говоришь, дед, – сказал он глубоким голосом с приятной хрипотцой. – Про воскрешения ты это, конечно, заливаешь, но красиво.

Старик улыбнулся и повернулся к князю.

– Что, господин, в ворожбу не веришь?

– Не верю. Глупость это, ничего больше.

– Много я таких мудрецов неверующих видел, – старик вдруг схватил со стола кусок мяса и бросил его в рот. – Все гордые были, все на свете знали, все понимали... Передумали все.

– Ты переубедил, что ли?

– Не я, а жизнь, – чавкая, ответил рассказчик. – Вот, например, был у меня сват, Филя. Построил себе баню, а баннику подарков не занес. Не верил он в него, говорил: «И без того семью кормлю и полдеревни, не хватало еще на выдумки тратиться». Ну и, понятное дело, обозлились на него духи. Пошел он однажды купаться, а потом как заорет, как выбежит весь перепуганный...

Князь фыркнул и махнул рукой.

– Все, дед, утомил. Садись есть. Переночуешь в погребе, утром пойдешь других веселить.

– Храни тебя Господь, владыка!

Старик откланялся, сел на свободное место среди дружинников и начал уплетать за обе щеки. Не каждому выпадает счастье побывать за княжеским столом, нужно пользоваться возможностью.

– Дед-то молодец, бодрый, – шепнул Еремей. – Смотри, как не в себя жрет...

– Да ладно, он заслужил, – Олег пожал плечами. – Хоть какое-то развлечение.

Кроме рассказчика, на пиру не было ничего веселого. Ни музыки, ни шутов, ни дрессированных животных. Без старческих криков и кривляний зал быстро погрузился в тоскливое молчание.

Вечер оказался совсем не таким, каким его представлял Олег. Дворец и гридница для гостей были большими, красивыми, но какими-то пустыми. Хозяин не потратился даже на простые цветные ленты, не то что на украшения поярче.

Гости за боярским столом, явившиеся в золотых цепях, шелковых рубахах и толстых перстнях с большими камнями в этом странном пустом зале смотрелись не на своем месте, как роскошные вещи, которые зачем-то поставили в сарае.

Еда была добротной. Но ничего удивительного Олег на столе не нашел. Ни запеченных лебедей в перьях, ни поросей, сшитых с петухами, ни заморских фруктов. Все угощениями были обычными, просто большим и на позолоченных блюдах.

Одним словом, рассказывать внукам было не о чем. Даже перед другими мужиками в дружине особенно не похващаешься.

Сам князь тоже был невесел. Он не трогал ни еду, ни вино. Только гладил короткую седую бороду и изредка что-то говорил Прокопию, своему любимому слуге. Тот молча кивал, как и положено хорошему дворовому.

Еще несколько лет назад слава владимирского князя Андрея Юрьевича гремела по всему свету. Он бил болгар, брал Киев и Новгород, приструнил родственников-бунтарей, строил дворцы, церкви и целые города. А еще водил за собой такое войско, что земля от их шагов тряслась.

Его любили и боялись, почитали как храброго воина, как мудрого книжника и как щедрого господина. Когда-то никто не мог идти против его воли, несколько лет на Руси его власть стояла.

Олег слышал, как старые дружинники со светлой тоской рассказывали о тогдашних княжеских пирах и охотах. На них хотел попасть каждый. Длились они днями, а то и седмицами, гости получали дорогие подарки, хвастали дорогими нарядами и плясали под громкую музыку. Сам князь радовался вместе со всеми, смеялся, пил и ел не меньше своих воинов.

Но эти золотые дни прошли. Непобедимый Боголюбский вдруг начал сдавать. Может свое брал возраст, может князь слишком зарвался. А может от него просто отвернулась удача.

Сначала был неудачный поход в Болгарию, который не принес серьезной добычи и только расстроил бойцов и бояр. Войсками там командовал второй сын князя – Мстислав Андреевич. В походе он сильно простудился и быстро скончился. Говорили, что весь Владимир тогда плакал.

Потом случилась новая война за Киев и провальная осада Вышгорода. Андрей хотел наказать зарвавшихся князей Ростиславичей и снова взять юг под свою руку. Вместо этого он завяз в долгой борьбе за вышгородские стены, а потом и вовсе бежал от боя. При отступлении в Днепре утонули сотни дружинников.

Был в том походе и Михаил Торческий, но ему тогда удалось спасти почти всех своих бойцов, еще и потрепать преследователей. Этим он заслужил немалое уважение воинов, вскоре начались его встречи со старшим братом.

Боголюбский же после отступления вернулся в свой дворец и долго сидел тихо, никуда не сошелся. Но и в собственном доме у него тоже начались беды. После бесконечных строек казна опустела. От неурожаев на дороги все чаще выходили разбойники. В городах начали

роптать, попы тоже были недовольны. Бояре почувствовали слабость хозяина, и начали зажимать подати.

Имя Боголюбского все еще звучало громко, но не звучало так грозно, как раньше.

Тяжелое время, похоже, изменило и вид князя. Он все еще был стройным и высоким, но кожа стала болезненно-желтой, под глазами темнели большие синяки. Скрыть наступление старости у него тоже не получилось. Длинные волосы поседели, морщины покрывали квадратный лоб, острый нос и уголки чуть раскосых глаз – подарок его матери-половчанки. Руки князя были тонкими, он сутулился и иногда покашливал.

Несмотря на все это, Олег смотрел на Боголюбского с восхищением. С малых лет он слушал истории о великом князе: как он первым влетал в ряды врагов, разгонял полчища степняков, превращал пустыри с косыми избами в великие города. Для дружинника великий князь был почти как герой из сказок или из Святого Писания. И вот теперь Олег наконец видел этого героя вживую.

Дальше стало еще лучше: князь вдруг встал и постучал кубком по столу:

– Друзья мои, братья! – крикнул он неожиданно глубоким и звонким голосом. – Спасибо вам, что приехали ко мне, что не забыли!

Гости загудели, заерзали на местах. Все хотели послушать хозяина дома.

– Я вас здесь собрал не просто так, – продолжал князь. – Времена сейчас непростые, но мы держимся вместе, мы друг друга не бросаем. Только в единстве мы победим!

Боголюбский вдруг нахмурился и взялся за рукоять меча, висевшего у него на поясе. Меч был непростой – говорили, что однажды он принадлежал самому святому Борису, князю-страстотерпцу. Олегу оружие казалось слишком коротким и неудобным. Но ведь такие вещи носят не для пользы в бою, а для красоты и почтения к бывшим хозяевам. Еще и камни блестящие в рукояти, красивые.

– Хотел бы я с вами попить в другой день, в другое время. Но ждать нельзя, – князь прикрыл глаза и тяжело вздохнул. – Кто-то уже знает, кто-то нет... Месяц тому назад в Ростове от болезни умер сын мой, Глеб.

Весь зал замер. Можно было услышать, как мухи перелетают с одной стены на другую. Олег боялся и пальцем пошевелить.

Дети умирали у всех, даже у князей. Жаль, печально, но такова уж жизнь.

Вот только великий князь потерял уже третьего сына. Всякому понятно, что здесь дело на похоронах не закончится.

– Вижу, что вам больно, – продолжил князь. – Но не плачьте по нему, я уже за вас всех оплакал. Мне не слезы ваши нужны, а силы.

Князь вдруг подался вперед и ударил по столу кулаком.

– Глеб был молодым, сильным, здоровым! Не мог он сам по себе так умереть! Отравили его!

По залу прокатилась волна возмущения. Одни лица побледнели, другие налились красным. Кто-то закричал.

Олег нагнулся к уху Еремея и прошептал:

– Чего делается вообще?

– Не знаю, – сотник покачал головой. – Но что-то сейчас будет.

Князь снова ударил по столу. Гости мгновенно затихли.

– Враги наши убили моего сына! Думают, что мы ослабли. Что нет в нас былой силы. Скоро пойдут на нас войной, чтобы стол мой украсть, чтобы дома ваши разорить! Мне все доложили: из Чернигова, из Киева, из Смоленска – все полки собирают, клыки на нас точат. Забыли они, кого бояться нужно. Готовы напомнить им?! Пойдете со мной против них?

Олег присвистнул. Князь обращался с гостями как кузнец с куском железа: охлаждал и раскалял их, заострял и придавал им нужную форму. Только вместо молотка и клещей у

него были слова. Еще несколько минут назад все сидели со скучающими лицами, еле замечали хозяина. Теперь же они ловили каждое его слово, их глаза блестели, они кричали и стучали посудой.

Один из бояр внезапно поднялся со своей скамьи. Олег прищурился и узнал Петра Кучковича. Рядом сидел его брат Яким и, как ни странно, Ивка. Похоже, побеждать в бою для приглашения на пир было все же необязательно.

– Княже, разреши сказать! – крикнул Петр. – Любим мы тебя как отца, за тобой хоть куда пойдём! Нужно – хоть свои головы сложим, хоть чужие снимем!

Зал снова загудел, еще громче и радостней. Большинство гостей были людьми войсковыми, обещание драки их возбуждало так же, как прибыль бодрила купца, как богатый урожай дарил надежду крестьянину.

Князь кивнул боярину.

– Спасибо, Петя, на добром слове.

– Ты только скажи, господин, – Петр развел руками, – как биться будем? Там бойцов много, раза в два больше, чем у нас. Неужели степняков нанимать будем? Или чудь, или самоедов?

Боголюбский усмехнулся.

– Никого нанимать не будем. Сами победим.

– А сможем ли? Если в осаду возьмут, то тяжело будет. У нас ни запасов, ни помощи от других не будет...

– Не возьмут. Они к нам вообще не дойдут, потому что мы сами к ним пойдём. Через седмицу на Киев выдвинемся.

Гости уставились на князя. Одни с удивлением, другие – с восторгом.

– Сами подумайте, – князь многозначительно ткнул пальцем в потолок. – Другие князя все еще думают, что главный стол у нас в Киеве. Что оттуда другими понукать можно. Что Ярослав на Руси правит просто потому, что в Киеве сидит. А он верит, что на него никто руку не поднимет, к обороне не готов. Уж точно не ждет, что мы к нему на порог заявимся из ниоткуда.

Имя киевского князя Боголюбский произнес с отвращением, будто сплюнул. Олег знал, что это из-за долгих семейных дразг. Раньше отец Андрея годами воевал с отцом Ярослава, а теперь и дети их поцапались.

Ярославу из-за этой вражды пришлось отчаянно бороться за Киев, а Андрею – опасаться за южные рубежи и свое место старшего князя на Руси. Когда Рюриковичи ссорятся – весь свет трясется.

– И что, город у него заберешь? – спросил Кучкович.

– Зачем же забирать? Мы прилетим, огнем и железом пройдемся и с добычей уедем. Как в прошлый раз. Тогда все поймут, кого бояться нужно, будут дома сидеть и трястись. А мы будем смеяться и барыши считать, правильно, Петя? Ты ведь готов в Киев заехать, дорогой?

Петр нахмурился и уставился в стол.

– С тобой – хоть на край света.

– Ну и славно, – Боголюбский повернулся к дружинникам. – А вы, братья, что скажете? Пойдете со мной?

Князь говорил ясно, с достоинством и уверенностью. Обещал воинам победу, славу и богатство. А чего еще им нужно?

Дружинники кричали, хлопали, кто-то даже вскочил и начал бить поклоны. Олег не удержался и засмеялся от радости. Дождался! Настоящая война, как в историях! Настоящий бой, настоящая слава!

Боголюбский довольно улыбнулся и наконец отпил из своей чаши.

– Братья! – в этот раз князь просто перекричал гостей. – Послушайте еще немного меня! Последнее дело есть. Я ведь, чего тут прятать, старик уже, не такой прыткий, как раньше...

Взбудораженные дружинники не согласились:

– Неправда!

– Да ты быка одной рукой свалишь!

– Еще всех нас переживешь!

Боголюбский засмеялся и отмахнулся.

– Хватит уже, льстецы! Не молодею я, а потому думать нужно о том, что после меня будет.

Если случится что со мной в походе – кто править будет, кому княжество оставлю? Последний сын мой, Юрий, мал еще, до сих пор с бабками ходит. Кто за ним уследит, кто защитит?

– Мы его в обиду не дадим, отец!

– Знаю, отрадно мне это, – князь поднял руку, призывая воинов успокоиться. – Но без единого хозяина жить нельзя. Нужен муж умный, сильный, кто порядок удержит. Потому решил я, что пока Юрий не дорастет до стола, после меня править будет брат мой: Михаил.

Пока дружинники и бояре чествовали нового наследника, пока Михаил кланялся брату, Олег просто сидел и моргал. Он не только поедет на войну, но и будет служить будущему князю Владимирскому!

Долгие годы он просто ждал, пока произойдет хоть что-то. А теперь целый день чудеса происходят. Будто его награждают за долгое терпение. Нужно будет потом попу деньги дать или что-то такое еще сделать в благодарность Богу.

Рассматривая повеселевших гостей, дружинник заметил, что многие бояре явно не разделяли общей радости. Особенно мрачно выглядели Кучковичи. Петр сел на место и о чем-то шептался с братом.

– Чего это начальники приуныли? – спросил Олег у Еремея, пытаясь перекричать бесконечные вопли воинов.

– Да кто их разберет, не думай! Смотри, к нам Прокопий идет.

Прокопий был холопом. По закону это ставило его ниже любых свободных людей. Но и бояре, и дружинники знали, что князь любит старика и прислушивается к его советам. Поэтому слуга имел больше власти, чем многие гости в золоте и шелках.

Обогнув стол, Прокопий подошел к дружинникам протянул Еремею приятно звеневший кошель.

– Князь говорит еще питья принести. Идите на конюшни, найдите там Анбала и дайте ему это. А потом помогите ему натаскать вина и браги из погреба. Скажите, чтобы не жадничал, пусть лучшее достает.

Еремей кивнул, забрал кошель и вышел из зала. Олег последовал за ним. Пир наконец стал интересным, но ему хотелось размять ноги. Да и когда еще можно будет свободно погулять по дворцу?

Олег видел не много разных боярских теремов. Одни были широкими, другие – высокими, третьи – и широкими, и высокими. Богатые хозяева украшали свое жилье башенками, наличниками, резьбой и прочими приятными мелочами. Но их терема все равно оставались домами, где жили простые смертные.

Палаты в Боголюбово же были чем-то средним между храмом, крепостью и дворцом. Вытянутое двухэтажное здание с остроконечными башнями полностью выстроили из камня. В сплошь деревянной Руси это было особенной роскошью.

А самое красивое крылось в мелочах. На стенах красовались барельефы и мозаики, арки и колонны. Тонкая лепнина и изящные притолоки делали даже двери и пролеты чем-то волшебным. На окнах стояли железные решетки с резьбой, а над крышей возвышались восемь

башенок со шпильями. В середине дворца, между левым и правым крыльями, стоял четырех-столпный храм князя с золотым куполом и роскошной отделкой.

Даже площадь перед входом во дворец была особенной, вымощенной белым камнем с аккуратными желобами. Окружали ее низкие стены без бойниц. Выглядели они красиво и грозно, правда для настоящей защиты такие много пользы не принесут. Но владимирский князь может иногда и забыть про осторожность.

Ясное дело, многие попы тихо возмущались, что князь тратит столько денег на свое тщеславие, а купцы со страхом считали, сколько дорогих материалов перевели на один дом. Зато все остальные восторгались красотой постройки и щедростью Боголюбского.

– Вот Михаилу нашему привалило наследство, а? – сказал Олег, все еще подрагивая от возбуждения.

– Ну да, – рассеяно ответил Еремей.

– Ты чего, не рад за него?

– Да рад, конечно. Просто у малых князей и служба маленькая: в дозор сходить, поехать с ними куда, может чуть подраться – да и все. А у больших... – сотник пожал плечами. – Ладно, это я ною. Вам, молодым и голодным, хорошо будет.

Олег зажмурился, в очередной раз представляя, что его ждет. Все его мечты, все, чего он ждал с детства, уже совсем близко.

Нужно отвлечься, а то его разорвет от радости.

– А что за ключник тут такой? – спросил Олег.

– О, это мужик известный, – Еремей хохотнул. – Анбал Ясин. Из ясов то есть, которые на юге на предгорьях живут. Не знаю, как он сюда добрался, но оказался при дворе и как давай тут всех строить! Грозный, злобный, но умный. Ну и скряга тот еще, потому дослужился быстро до ключника и теперь тут всем хозяйством командует. Ты только не робей перед ним – он нам не хозяин.

Спустившись по винтовой лестнице, Олег и Еремей вышли на просторный двор и направились к конюшням. Жаркие сумерки переходили в теплую ночь, воздух пах кострами из лагеря дружины. Все было приятным, тихим, удобным...

И тут со стороны конюшен донеслась яростная ругань. Дружинники подошли ближе и увидели, как огромный мужчина кричит на двух конюхов.

– Еще раз такое увижу – уши оторву! – рычал здоровяк. – Лошади от такой кормежки за месяц сдохнут. Вы хоть знаете, сколько одна такая кобыла стоит?! Головами думайте, не за баранами в деревне ухаживаете!

– Извини, начальник... – промычал один конюх.

– Ты не извиняйся, а работай!

Анбал был настоящим гигантом. Он выглядел как дверь, к которой приделали длинные ноги, мясистые руки и квадратную голову. Стриженная черная борода скрывала короткую шею, а на бритом затылке красовался рваный шрам.

Заметив подошедших дружинников, Анбал развернулся к ним и рявкнул:

– А вам чего надо?!

– Прокопий просил больше питья в зал принести, – Олег старался говорить ровно, горделиво. В конце концов, он воин, а не простая челядь. – И вот это тебе передает.

Олег протянул кошель ключнику и тут же отпрянул назад от удивления.

Анбал чертыхнулся и сплюнул на землю. На кошель он смотрел как на змею, которую внезапно нашел в своей постели.

– Сегодня, значит... – тихо сказал ключник.

– Ты чего взвился так? – спросил Еремей.

– Да просто... – Анбал пристально посмотрел на Олега, потом на Еремея. Затем глубоко вздохнул, взял кошель и спрятал его в карман. – Ладно, ничего. Куда там чего тащить сказали?

– Вина и браги, в зал. Просили лучшее.

– Еще бы, в такой-то вечер.

Ключник пошел в погреб, озлобленно пнув пробежавшего мимо пса. Животное испуганно заскулило и бросилось прочь.

Олег и Еремей переглянулись, но ничего не сказали. При дворе вообще проще ничего не говорить, если ты без большого чина.

Княжеский погреб был побольше многих крестьянских изб. Длинные полки тянулись от стены до стены. На них лежали мешки с мукой и овощами, копченое мясо и сыры, яблоки, мед и, конечно, бочки с самым разным хмельным.

Анбал начал выбирать бочки и бросать их дружинникам. Не передавать, а именно бросать, как легкие детские игрушки. Олег еле успевал их ловить. Надеясь замедлить исполина, он спросил:

– А чего ты сам не на пиру?

– Меня не звали, – сухо ответил ключник. – А что, чего интересного там?

– Там страсти те еще. Князь поход на Киев готовит, Михаила наследником назвал, – Еремей еле успел схватить брошенную бочку и натужно крякнул. – Может помедленнее?

– Вот как? Тогда понятно.

– Чего тебе понятно? – раздраженно спросил Олег, пошатываясь под весом трех бочек. – Давно пора тамошних приструнить, а то забыли свое место.

– Уж вы обязательно приструните. Хотите воевать, да?

– Хотим! Не просто так в дружине!

Анбал вдруг перестал выбирать питье, подошел вплотную к Олегу и навис над дружинником как над ребенком.

– Ты не забывай, что кольчуги не от всего защищают. Кто знает, чем в следующий раз ударят? – ключник безрадостно улыбнулся. – Ладно, тащите все это наверх. Потом еще три подхода будет.

Глава третья

В которой ищут сухие дрова, встречают незваных гостей и неудачно падают.

Пир закончился далеко за полночь. Слуги вынесли блюда побогаче, из бочек текло красное, светлое и пенное. Возбужденные скорым походом гости хотели веселиться и чествовать князя. После войны часто раздают чины и наделы, так что надо бы подольститься к владыке.

Среди дружинников нашлись музыканты, которым быстро достали гусли, барабаны и дудки. Те, кто еще мог стоять на ногах, пошли в пляс. Остальные сосредоточились на угощениях. На столах было столько еды, сколько хватило бы небольшой деревне на месяц.

Князь к празднику не присоединился. Прослушав с десяток клятв верности и хвалебных песен, он попрощался с гостями и отправился спать. После этого веселье стало еще более бурным.

Олег сел слушать разговоры дружинников. Многие, как и он, были потомственными военными и радовались грядущей замятне.

– Ну, братцы, погуляем на югах. Там сейчас хорошо, солнечно.

– У меня брат на Киев ходил десять лет назад. Столько барышей вывез, что новый дом себе отстроил, еще и скотины всякой накупил.

– А у меня отец ходил. Тамошние с тех пор как раз отъелись, располнели...

– И ведь они нас не ждут, подготовиться не успеют. Считай и драться не придется!

После третьей братины Олег совсем разомлел. Но отдохнуть у него не получилось: Еремей вдруг приказал ему встать в караул у княжеской спальни.

– Вот тебе ключ, запрешь за собой дверь на лестницу и стой у опочивальни, – с трудом выговаривая слова сказал Еремей.

– Я там один буду, что ли?

– Как-нибудь уж без меня справишься.

– У меня уже сил никаких нет, засыпаю... – вяло возразил Олег.

– Найди силы, а то сила тебя найдет! – десятник пьяно засмеялся и отправился на поиски новой бочки.

Олег вздохнул, подобрал выданное копье и пошел исполнять свой почетный долг.

Комнаты князя располагались в правом крыле дворца за большой кованной дверью. Олег запер ее за собой и поднялся на второй этаж.

Стены там были украшены рисунками витязей и чудищ, резьбой и даже полотнами из блестящего золотистого аксамита. Пол покрывали турецкие ковры, под потолком покачивались причудливые люстры, в которых ярко горели лампы. Слуги регулярно убрали и проветривали коридоры.

Вот как живут те, кто людскими судьбами каждый день распоряжаются.

После пары минут блужданий, Олег нашел дверь опочивальни и встал у нее. Потом оперся на ближайшую стену. Потом прислонился к ней. Все вокруг покачивалось и было приятно размазано. Магия браги, самое могучее колдовство на свете.

Сонливость становилась все сильнее, глаза закрывались сами по себе. Олег переминался с ноги на ногу, щипал себя, мотал головой. Ничего не помогало. Он не мог ни пройти, ни умыться холодной водой – оставалось надеяться на силу воли. Только Олег себя хорошо знал и в свою силу воли не верил.

Если его поймут спящим на посту – будет плохо. В лучшем случае получит розг, а в худшем...

– Братец, тебя в караул поставили?

Олег вздрогнул и обернулся. Позади него, завернувшись в волчью шкуру, стоял и тер глаза князь Боголюбский.

Вблизи он выглядел совсем иначе, не как на пиру. Без дорогой одежды и украшений он был похож на обычного деда. Растрепанный, с усталым лицом и сухой смуглой кожей. Но в его позе, в его глазах, в его движениях была видна привычка к власти. Настолько уверенная привычка, что он мог командовать другими даже босяком и завернутый в шкуру.

– Да, я... Олегом меня зовут.

– А меня Андреем, – князь усмехнулся. – Поможешь мне? Я тут в своем же доме замерзаю как босяк.

Не дожидаясь ответа, Боголюбский взял ошарашенного Олега за плечо и потянул за собой.

Спальня князя Владимирского была намного скромнее остального дворца. Простые белые стены, широкое окно, дубовый стол и стулья, просторная кровать и пара сундуков – все добротное, хорошо сделанное, но не роскошное. Меч святого Бориса был брошен стоял в углу, рядом с тазом с водой.

Самой необычной частью убранства был портрет отца князя – Юрия Долгорукого. Священники такие мирские изображения не одобряли, считали их проявлением гордыни. Но Боголюбский явно не стеснялся показывать портрет гостям и повесил его напротив входа.

Князь прошаркал к небольшому камину и недовольно потыкал ногой сваленные внутри дрова.

– Я его и так, и сяк. А оно не горит никак! Посмотри, что там, а?

Олег кивнул и полез в камин, украдкой оценив украшенную искусной резьбой решетку. На ощупь дрова оказались мокрыми.

– Князь, так они сырые совсем.

– Правда? А я и не заметил! Вот ведь лентяи безрукие! Проверь в корзинке, может там сухие со вчера остались.

Олег быстро вытащил сырые дрова и начал собирать новые из стоявшей рядом корзины. Под взглядом князя сонливость и опьянение как рукой сняло.

Боголюбский присел на кровать и тяжело вздохнул.

– Ты откуда, Олег? – спросил он, глядя в окно.

– Средняки. Это село такое. Под Суздалем.

– Так ты наш, залесский? А чего к Михаилу пошел служить, а не ко мне?

– Отец посоветовал. Сказал, что у тебя и так дружина большая. А в Торческе у него друг был, мне помог устроиться, – Олег выцепил из корзины две сухих дровяшки и кинул их в камин. – Два года вот с ними хожу.

– Молодец. В осаду в Торческе сидел?

– Да именно что сидел! – пожаловался Олег. – Посмотрели на Ростиславичей пару седмицы, из луков постреляли, камнями покидались. А потом они ушли и все.

– Понятно. На Киев в том году не ходил?

– Нет, оставили меня город сторожить. Вообще в настоящем бою не был, – стыдливо признался дружинник.

Почему-то ему не хотелось ничего скрывать от князя. Может из-за браги, может из-за жары, но Боголюбский вдруг показался ему добрым, давно знакомым стариком, который всегда готов выслушать и дать совет.

– Да не рвись ты в пекло. Успеешь еще, – князь поморщился, будто от внезапной боли. – Под Киевом вообще хорошо, что не был. Проигрались мы тогда знатно... Жена есть?

– Нету. Я парень вольный.

– Правильно, гуляй, пока можешь! У меня вот вроде есть супруга, а вроде и нет. Уже сколько времени отдельно живем.

На это Олег ничего не ответил. Лягнуть лишнего очень не хотелось.

Набрав сухих дров и хвороста, Олег начал работать огнивом. Раз, два – и комнату осветил яркий огонь. Князь довольно крикнул, подобрался поближе и вытянул руки к пламени.

– Ух, хорошо... Цени молодость, Олежка. С возрастом кости начинает ломить, глаза ничего не видят.

– Слышал такое, да – осторожно ответил Олег.

– А еще всего бояться начинаешь, особенно вечерами, – после тишины добавил князь. – Прямо трясет иногда.

– Чего же тебе бояться, княже? Мы за тебя горой! – Олег горделиво выпятил грудь.

– Какой ты лихой! – князь хлопнул себя по колену. – С такими, конечно, надежно. Но все равно пугливо мне. Смерть – она без предупреждения приходит, как захочет. Вот как Глеба моего взяла и забрала.

Боголюбский убрал со лба седые локоны и уставился в огонь. В спальне вдруг стало очень тихо.

Олег нервно закусил губу. Что на такое отвечать? Сочувствовать – как-то глупо. Успокаивать и веселить – как-то нагло. А если молчать – совсем за дурака сойдешь.

От неловкой тишины его спас вошедший в комнату Анбал. В левой руке ключник держа кошель, полученный от Прокопия.

– А ты чего тут делаешь? – удивленно спросил он.

– Не дергай парня, – князь заговорщически подмигнул Олегу. – Мы тут с ним шушукаемся.

Анбал нахмурился.

– Хозяин, ты лекарство свое принять забыл.

– Опять ты с этой гадостью, сколько можно?! – Боголюбский всплеснул руками.

– Лекарь же говорил...

– Знаю я, что он говорил! Ладно, готовь.

Ключник протопал к столу и достал из кошельки пузырьки с мутной жидкостью и сушеные травы. Он вылил что-то из пузырька в кружку и добавил туда травы. Комнату наполнил резкий запах: как будто кровь смешали с углем. Затем Анбал поднес кружку к камину, подержал ее над огнем и отдал князю.

Боголюбский вдруг закашлялся и зажал нос. Престарелый князь стал похож на мальчишку, которого заставляют есть невкусное. Он брезгливо сделал маленький глоток лекарства и тут же выплюнул его обратно в кружку.

– Что за отравка?! Сегодня совсем горькая, язык жжет!

– Нужно выпить, лекарь сказал, – Анбал пожал плечами.

– Много твой лекарь понимает! Я от такого лечения еще быстрее помру! Убери, не буду пить.

Анбал замер, переводя взгляд с князя на лекарство и обратно. Не решившись спорить, он быстро забрал кошельки с кружкой и вышел.

Князь с чувством ругнулся:

– Живот они мне лечат, видишь ли. Залечат сейчас в могилу! – Боголюбский нервно поправил сползшее с плеч одеяло и прислонился к стене. Похоже, что злоба быстро его утомила. – Ладно, Олег, иди, караул там. Утром дам тебе пару гривен: отдохнешь, погуляешь.

– Спасибо, княже! – Олег был настолько удивлен неожиданной щедростью, что забыл поклониться.

– Иди с Богом.

Взбудораженный Олег вышел в коридор, закрыл за собой дверь и тихо ухнул. Он уже предвкушал, как будет рассказывать другим дружинникам о том, как побывал у самого князя. Обзавидуются!

Стоять на месте ему не хотелось – слишком много впечатлений для одного вечера. Вокруг не было ни души, поэтому Олег решил немного пройтись. Недалеко, успеет вернуться, если что.

Он пошел в обход по этажу, вспоминая родной дом. У них была большая, добротная изба со светлыми стенами и широкими скамьями. Семья была маленькой, места всем хватало. Воду они брали из собственного колодца, летом ели на улице, в холода – за столом у печи.

Тогда Олег и подумать не мог, что кому-то может понадобится целый дворец с отдельными комнатами для еды, сна, и Бог знает чего еще.

Остановившись у окна, он выглянул во двор. Пир наконец закончился, стало совсем тихо. За стенами дворца догорали войсковые костры, на горизонте начинал розоветь рассвет.

Кто-то одетый в длинный плащ вышел во двор. Олег присмотрелся и узнал Прокопия. Чего это старик не спит?

Княжеский слуга воровато огляделся и направился к конюшням. Вывел во двор коня, оседлал его, неуклюже залез в седло. Погладив животное по гриве, Прокопий посмотрел на дворец. Выглядел он печальным, как будто прощался. Олег хотел его окликнуть, но передумал. Непорядочно как-то будет.

Прокопий легко ударил коня по бокам и поехал к воротам. Наверное доставляет какое-нибудь важное княжеское послание во Владимир. Олег ему позавидовал. Ему тоже хотелось быстрее поскакать вдаль, ближе к большим делам, про которые потом будут рассказывать с горящими глазами.

Замечтавшись, дружинник не сразу услышал шум со стороны лестницы. Несколько человек поднимались и о чем-то перешептывались. Проверять караул пришли? А как дверь так тихо открыли?

Чертыхнувшись, Олег побежал на место.

Он вытянулся по струнке у двери и прислушался к голосам:

– Я тебе говорю: еле отпил, да и то выплюнул! – первый голос точно принадлежал Анбалу. – Вонь жуткая была!

– А траву ты добавил? – второй голос Олег тоже уже слышал. Это говорил Петр Кучкович.

– Добавил, не помогло. Обманул старик.

– Ясно. Значит, деваться некуда.

– Уверен?

– Поздно уже сомневаться.

С лестницы в коридор вошли четверо: Анбал, Петр, Яким и Ивка. Все были одеты в кольчуги, с оружием в руках. Странно это: у входа в дворец все гости сдавали оружие слугам. В их лицах Олег увидел что-то недоброе, пугающее.

А самым удивительным было то, что ключник держал меч святого Бориса. Неужели украл из спальни пока князь не смотрел?

Увидев Олега, Петр изогнул бровь.

– О, смотрите, у нас тут сторож.

– Ты еще здесь? – Анбал раздраженно мотнул головой в сторону лестницы. – Иди отсюда, свободен. Скажешь, что я отпустил.

Олег вдруг почувствовал неприятный холодок в затылке. Что-то здесь точно было не так. К князю посреди ночи с оружием не приходят.

Заметив его замешательство, Яким оскалился и шагнул вперед.

– Чего мы с ним цацкаемся?! Не хочет уходить – значит...

– Обожди, не гони, – Анбал положил руку на плечо боярина. – Пусть он наше письмо доставит.

Петр хмыкнул.

– Ну, пусть. Тогда держи его, если пикнет – расходуй.

Анбал кивнул и уверенно направился к дружиннику. Такой походкой мясник идет резать скотину.

Оцепеневший от страха Олег насилиу вспомнил, что он должен защищать дверь князя. Дрожащими руками он выставил копьё вперед и открыл рот, чтобы закричать. Но Анбал с неожиданной ловкостью поднырнул под острие, перехватил древко и свободной рукой ударил Олега в живот.

Дружинник согнулся пополам, хватая воздух ртом. Ключник схватил его за волосы, припер к стене и приставил к шее острие меча.

– Стой тихо. Не дури, тогда отпустим, – прошипел Анбал.

Кучковичи подошли к двери в спальню и постучали. С другой стороны донесся недовольный голос Боголюбского:

– Кто там ломится?

Яким ответил, неуклюже изображая старческий голос:

– Это Прокопий, владыка, слуга твой.

Князь ответил не сразу, зато громко:

– Ага, как же! Я тебя узнал, поганец! Что, Кучки, решились наконец? Наточили клыки? А зря, рано на меня напрыгнули! Бегите отсюда, а то порублю!

Петр усмехнулся и пнул дверь.

– Рубилка твоя уже у нас, владыка, а охранника к стенке приперли! Дружина спит, на помощь никто не придет. Вылезай, говорить будем.

Боголюбский затих. Тишина тянулась несколько невыносимо долгих секунд. Олег попытался вырваться из железной хватки Анбала, но ключник только сдавил его горло сильнее.

Затем с другой стороны двери раздался лязг засова.

– Ладно, входите. Только не дурите, все словами решим.

Петр кивнул Ивке. Тот поднял топор, хищно облизнул губы и открыл дверь пинком.

Худая старческая рука метнулась к его груди. Ивка взвыл, уронил топор и отшатнулся, зажимая кровоточащую рану.

Боголюбский уже стоял в дверях и буравил незваных гостей свирепым взглядом. Босой, одетый в ночную рубашку, с обычным столовым ножом в руках: Даже с такими жалким оружием князь выглядел как грозный воин.

– Кто первый?! – прорычал он.

Все смешалось. Кучковичи закричали ринулись в атаку. Князь размахивал кинжалом, отгоняя нападавших. Пробиться через его защиту у убийц не получалось. Поняв, что нахрапом опытного бойца взять не получится, они начали медленно пятиться назад

Анбал зарычал и завертел головой из стороны в сторону. Он хотел присоединиться к драке, но боялся оставить Олега без присмотра.

– Пусти... – еле слышно просипел дружинник.

Как ни странно, ключник исполнил просьбу и действительно отпустил дружинника. Правда, сначала Анбал изо всех сил саданул его затылком об стену.

Когда мир вокруг перестал плыть, а звон в ушах стал тише, Олег медленно встал. Ни князя, ни нападавших рядом не было. Судя по крикам и лязгу железа, бой переместился на лестницу.

Олег хотел спрятаться где-нибудь в углу и переждать драку. Говорить о геройствах было намного проще, чем стоять против настоящих вооруженных убийц.

Но гордость толкнула его вперед. Он так долго мечтал стать героем, так подробно вообразил почести и славу. И теперь он упустит возможность спасти самого князя? Нет уж, он свою награду не проворонит!

Олег достал из сапога длинный нож и пошел к лестнице.

Князь медленно отступал на первый этаж, отбиваясь от четырех убийц. На руках у Боголюбского были видны кровоточащие порезы, но держался он уверенно. Места на узкой лестнице было мало, нападающие не могли насесть на него все вместе. Петр с Якимом были впереди и пытались достать Боголюбского мечами. Анбал и раненый Ивка следовали за ними, высматривая возможность нанести удар.

Все это освещало показавшееся из-за горизонта солнце, заглянувшее на лестницу через окно. Со стороны сцена даже могла показаться красивой.

Занятые боем убийцы не заметили Олега. Задержав дыхание, он подкрался к Анбалу сзади и занес нож для удара. Его первый убитый враг, первая кровь. Страшно, но нужно же когда-то начинать?

Олег собрался погрузить нож в мясистый затылок яса, но на мгновение замешкался. Он не мог двинуть рукой, будто перед ней поставили стену.

То ли услышав дружинника, то ли почувствовав что-то нутром, Анбал обернулся. Большие карие глаза ключника уставились на острие ножа.

Испуг наконец развеял оцепенение. Олег вскрикнул и попытался ударить ключника. Тот удивительно ловко вильнул в сторону и лезвие только задело его щеку.

Анбал заревел и ударил Олега в бровь. Все потемнело, зазвенело. Затем яс сбил дружинника с ног. Олег покатился вниз по лестнице, тщетно пытаясь ухватиться за что-нибудь. Кучковичи и Ивка успели отскочить с его пути. Князь же увидел его слишком поздно. Олег врезался в Боголюбского и свалил его на ступени.

Князь удивленно вскрикнул, упал и выронил свой нож. Петр с воплем напрыгнул на него и воткнул меч в грудь Рюриковича. Хозяин Владимирского княжества выгнулся дугой, захрипел, выпучил глаза. И замер.

Ручеек крови побежал вниз по ступеням, поблескивая в солнечных лучах.

Олег лежал внизу лестницы и чувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Может от боли, может от страха, может от стыда. А может и от всего сразу.

Тяжело дыша, Петр подошел к Олегу.

– Говорили же тебе: сиди тихо. Ну и зачем ты полез?

– Барин, про письмо не забывай... – подал голос Анбал, вытирая кровь с щеки.

– Помню, – сказал Петр. Боярин достал из-за пазухи стянутую тесемкой грамоту и сунул ее под рубаху Олегу. – Повезло тебе сегодня, дурак, не убьем. Проследи, чтобы наследничек Андреев это получил – всем от этого лучше будет.

Дружинник отвел взгляд. Грудь и спина горели огнем, по голове как будто били молотами. Он точно что-то сломал, дышать было тяжело. Все вокруг казалось ненастоящим и будто раздутым, как в кошмаре.

Кучковичи и Ивка спрятали оружие и побежали к выходу. Анбал задержался и наклонился к дружиннику.

– Если жить хочешь – не ходи за нами, – прошептал ключник. – Мы не со зла это сделали. Если доживешь – поймешь.

Ключник вышел вслед за другими заговорщиками, оставив Олега наедине с телом князя. Кровь продолжала капать на ступени. Солнце светило все ярче.

Глава четвертая

В которой читают письма, говорят про книги и выбирают новых товарищей.

– ... вот так оно и было, – закончил рассказ Олег.

Он сделал глоток воды из деревянного стакана и робко посмотрел на своих собеседников. Первым был настоятель при дворцовом храме, который неторопливо записывал доклад дружинника на бересте. Наверняка запись потом включат в какую-нибудь летопись. Без упоминания дурня, из-за которого князь теперь мертв, конечно.

Настоятель молчал и только изредка кивал с отсутствующим лицом – судя по всему, мирские страсти его не впечатляли.

Вторым был Михаил Юрьевич. Слушая рассказ о гибели своего брата, он сопел, через слово ругался и бил кулаком по столу. Недовольные бормотание других храмовых слуг в зале он игнорировал.

Справа от него, опершись на колонну, с непроницаемым лицом стоял Василий. В отличие от остальных он выглядел свежим, даже бодрым. Грек внимательно слушал Олега и иногда резко пощипывал себя за бороду.

– Собаки бешенные, перевешать всех! – рыкнул Михаил.

– Князь, прости, – тихо сказал Олег. – Защищал как мог...

– Защищал-защищал, а брат мой все равно мертвый, – мрачно сказал он. – Хотя, ты все равно против них ничего не смог бы. Петр с мечом дерется как черт, положил бы тебя одним ударом. Да и Анбал та еще дубина. Удивительно, что не пришибли.

Олег стиснул зубы. Как будто он сам себя еще недостаточно задушил виной, нужно еще добавить.

– Ладно, что сделано – то сделано. Слышь, писарь, – Михаил обратился к настоятелю. – Ты последнюю часть перепиши. Как-то некрасиво получается, что такого князя всего четверо

убили. Пиши, что было человек десять. Или даже двадцать. И сделай их прямо уродами, гадами богомерзкими. Придумай что-нибудь, постарайся.

Настоятель кивнул и начал делать заметки.

– Василий, ты чего молчишь? – спросил Михаил. – Где мудрость твоя хваленая, а?!

– Вопрос есть, – сказал грек. – Олег, ты помнишь, как то «лекарство» ключника пахло?

– Помню! – Олег схватился за возможность быть полезным, как тонущий за корягу. –

Пахло как кровь стылая и уголь, или дерево гнилое. А, и еще князь сказал, что очень горько и язык жжет.

– Очень меткое описание, – Василий кивнул. – Это яд, еще и непростой из Коринфа. Употребивший его умирает быстро и безболезненно. Заговорщики хотели отравить князя, но забыли про ужасный вкус.

– Откуда же они такой этот коринфский яд взяли? – спросил Михаил.

– Ты ведь мне сам говорил, что у старика Прокопия много разных мудрых знакомых. Он мог и яд достать, и в лекарство его подмешать. Наверняка передал в том кошеле, когда отправил дружинников на конюшню к Анбалу. А потом, когда отравление не сработало, быстро собрался и сбежал отсюда.

– Ну да, складно получается... – Михаил перевел тяжелый взгляд на дружинника. – Ладно, что там за письмо тебе дали?

Олег дрожащей рукой достал послание Кучковичей и протянул его Михаилу. Он надеется, что в грамоте есть что-то важное, что он не просто так бережно хранил ее все это время.

Михаил схватил письмо и начал читать. Глаза его двигались медленно, губы слегка шевелились. Выглядело это смешно, но некоторые князья и вовсе читать не могли, держали при себе особых грамотных слуг.

Через минуту Михаил свернул грамоту и хмыкнул.

– Так и думал. Хотят княжество делить. Ростов и Суздаль отдадут племяшкам нашим мелким – Ярополку и Мстиславу, мол, города сами их захотели. Ага, сами захотели, без подсказки, как же. Племяшки только рады будут на костях андреевых попировать, наверняка уже несутся на готовые столы. Бараны! Кучковичи ими вертеть будут как захотят!

– А тебе, законному наследнику, что предлагают? – поинтересовался Василий.

– Мне только Владимир. Ну и место «старшего во всем Залесье». Только это вот старшинство – лист засохший, ни на что не годный. Еще обещают отступ заплатить – три тысячи гривен. Щедрцы, чтобы их...

– Маловато как-то, разве не так?

– Вот именно! – рыкнул Михаил. Князь ударил по столу так, что глиняный стакан подпрыгнул, свалился и с жалобным звоном разлетелся на куски. – Это мое добро, по праву! Андрей меня наследником назвал, ни с кем делиться я не обязан. Тем более с упырями-предателями!

Михаил смял письмо и метнул его в угол. Настоятель недолго подумал и что-то записал. Наверное понравились ему слова князя.

Олег смотрел на князя затаив дыхание. Сейчас этот праведный гнев разожжет огонь отмщения. И тогда у всех снова будет свое дело, свое цель. И это вязкое чувство отчаяния и вины пройдет.

– Силой их победить не сможем? – не столько спросил, сколько заявил Василий.

– Я могу только две-три сотни собрать, не больше, а Кучковичи со своей кодлой – под две тысячи, – Михаил покачал головой. – Нет, один не справлюсь. Нужно помощь искать. Но никто просто так не пойдет...

– Княже, не говори так! – взволновано затараторил Олег. Молчать было тяжело, ему хотелось хоть что-то сказать в этом важном разговоре. – Тебя же в дружине любят, в городах

любят, даже бояре любят! Мы полки во Владимире соберем, черных клобуков поднимем и этих гадюк задавим! Правда за нами, а значит...

Михаил раздраженно щелкнул пальцами.

– Помолчал бы! Герой нашелся, вояка! Сейчас он мне всех вражин раскидает, змеев порубит и святое царство построит, все на одной правде. Я-то что в войне понимаю, это он у нас мудрец. Слышал, Вася?

Василий вежливо посмотрел в сторону. Михаил фыркнул и указал на дверь.

– Нос утри, щенок! Иди отсюда, подожди на крыльце. Буду решать, что с тобой делать.

Чувствуя, как краска заливает уши и щеки, Олег поспешно встал и направился к выходу. Вот почему он рот закрывать вовремя не умеет? С детства его за это ругали.

Выбравшись на двор, он прошел к стене и сел на сухой пень у дровницы.

Вокруг него текла дворцовая жизнь. Младшие слуги занимались тяжелым трудом: таскали ведра с водой и корзины с едой, мыли стены, рубили дрова. Старшие занимались делами полегче: готовили еду и приглядывали за псарней и конюшнями.

Они были людьми простыми, но деловитым. Старый хозяин умер, новый еще не объявился. Даже ключник куда-то пропал, командовать некому. А для них ничего не поменялось. Все тот же распорядок, все тот же труд. Возможно, так им всем легче оставаться спокойными и не бояться будущего.

Олегу такой успокаивающей определенности не хватало.

После убийства Боголюбского большинство гостей растерялись. Начальники остались без планов, а дружинники – без приказов и платы за службу. Было ясно, что никакого похода уже не будет. Не будет и добычи. Вместо этого начнутся споры за княжеский престол, а может и новая усобица.

Многие отправились по домам, готовиться к приходу смуты. Другие, побогаче и влиятельнее, побежали договариваться о союзах и заключать сделки. В беспокойные дни навариться несложно – здесь у соседа хозяйство отберешь, там деревеньку дальнюю пограбишь. А самые трудолюбивые и жадные дружинники пошли искать новых хозяев. Вооруженные люди нужны всем: князьям, боярам, епископам и разбойникам. Даже бортникам в лесу и рыбакам на море – время такое.

Некоторые хотели наняться к Михаилу, но он признался, что заплатить жалование сможет только через несколько месяцев. Почти все передумали.

Эту кутерьму Олег наблюдал со стороны. После страшной ночи его нашли в беспамятстве на лестнице, рядом с мертвым князем. Привели в сознание, обработали раны. Дальше, страдая от жуткой боли в голове и мути в животе, он несколько раз рассказывал о произошедшем.

К полудню кто-то сердобольный принес ему похлебки. Олег попытался поесть, но не удержал пищу и быстро провалился в сон. Совсем проснулся он уже на следующий день, в пустой гриднице. Тело еще болело, но голова очистилась. Олег лениво валялся в полузабытьи, но потом вспомнил, что случилось. Сразу захотелось заснуть еще раз.

Вскоре к нему явился Еремей. Печально покачав головой, сотник повел Олега на допрос.

Теперь все самое важное было сделано. Князь знал, кто виноват в смерти его брата и получил послание. Прощения Олег, похоже, не добился, но что тут поделать? Теперь оставалось ждать, пока Михаил решит, как дружиннику искупить вину.

Мог бы и сбежать, конечно, его никто не держал. Только куда и зачем? Наемником, купцов мелких охранять? Нет, такие славы себе не добывают.

Нет, он останется здесь и будет ждать суда князя. Какую бы епитимью ему ни назначили – все стерпит, все исправит. Олег был готов сделать все, чтобы вернуть веру Михаила: хоть коней всей дружины месяц мыть, хоть одному против десяти врагов выйти. За несколько часов он превратился из победителя и героя в дурака, который всех подвел. И этого он так не оставит.

На крыльце показался Василий. Грек осмотрел двор, став похожим на ищущего добычу орла. Заметив Олега, он улыбнулся и легкой походкой направился к дружиннику.

– Как ты себя чувствуешь, друг? – спросил он, облокотившись на стену дровницы. – Голова не кружится, не тошнит?

– Живой, не из бересты деланный, – буркнул Олег. Грек все еще вызывал у него настоженную неприязнь.

– Нет ничего постыдного в плохом самочувствии. Ты пережил серьезное потрясение духа и тела, нужно восстановиться. У меня есть настойка целебная, на вкус даже сладкая – хочешь?

– Не надо мне ничего. Зачем пришел?

Василий ответил не сразу. Он задрал голову кверху, жмурясь и подставляя лицо солнцу. Стройный, расслабленный, но при этом будто взвезденный, он походил на сильного, откормленного кота. Олег в детстве видел такого у соседей – Шиськой его звали. Вроде весь день валялся на траве, ничего не делал. Но как-то умудрялся ловить мышей по всей деревне.

Грек производил такое же впечатление. Будто под внешним лоском и вальяжностью у него скрывалась какая-то особая сноровка.

– Знаешь, я к вам совсем недавно прибыл, всего полгода назад. Приплыл в Тавриду, поехал к Киеву. Там познакомился с Михаилом и в его свите прибыл сюда.

– А как ты к нему прибился? Учителем вызвался? – полюбопытствовал Олег.

– Нет, Михаил сам кого хочешь научить готов. Я просто оказал ему услугу, помог в одном деле. А он согласился мне показать что у вас да как. Я, конечно, много о Руси читал, но разве этого достаточно?

– Представляю, что у вас в Царьграде про нас понаписали, – хмыкнул Олег.

– Очень интересное чтение, но не слишком полезное, – грек усмехнулся. – Я решил, что лучше всего узнавать другие края через разговоры с местными. Кто может рассказать про дом лучше тех, кто в этом доме живет? Вот ты, например, много можешь рассказать про свою землю?

– Ну, не все, но что-то знаю.

Последние два года Олег провел вдали от родных мест, на юге. Но до этого он успел поколесить по Залесью, да и много чего слышал от отца и деда. Пусть он не помнил каждую деревню и каждый лес, но свою дорогу он всегда отыщет.

– Славно. А грамоту знаешь?

– Отец объяснял, он сам у какого-то монаха выучился. Написать имя свое могу, читать тоже умею, правда медленно.

– Отлично, отлично. Скажи еще вот что: зачем в дружину пошел?

Олег нахмурился. Почему к нему столько интереса?

– Чего ты все спрашиваешь-то?

– Сделай одолжение, расскажи.

– Ну, как... Чтобы заработать, славу найти. Людям помогать, князю служить... – Олег смущенно кашлянул. – Чтобы помнили меня.

– Как героя, защитника?

– Ну... Да, получается так.

Грек удовлетворенно кивнул и погладил себя по черной бороде.

– Получается, что я на твой счет не ошибся. Понимаешь, князь Михаил хочет дать мне важное поручение. Придется много ездить, следить за разными людьми, говорить с ними. Иногда, возможно, бить их. Мне в этом деле пригодится помощник. Пойдешь?

– Как это, «помощник»? – Олег нахмурился. – Слуга, что ли?

– Нет, конечно нет! Скорее боевой товарищ, соратник. Обещаю, что походные котлы будем драить на равных, по очереди. Соглашайся, вместе сделаем великие дела!

– Интересно ты говоришь, приятно, – признался Олег. – Вот только место мое в дружине, у князя. Как он скажет – так и сделаю.

Василий перестал улыбаться. Он скрестил руки на груди и сочувственно посмотрел на Олега.

– Сожалею, но Михаил сказал мне, что больше не хочет твоей службы. Он отпускает тебя из дружины.

Олег покачнулся. Открыл рот, но тут же забыл, что хотел сказать.

Все таки не простили. Вот и все, конец.

Он, понимал, что князь может не принять его обратно. Но на самом деле в это не верил. Могут дать плетей, жалования лишить, хоть в колодки посадить. Но не прогонять же! Не может так быть!

Олег не мог представить себя без службы. Его дед был дружинником был, его отец был дружинником. С самого детства было понятно, что и он служить будет, и что добьется большего, чем предки. А как теперь?

– Но еще князь сказал, что ты можешь помочь мне, – добавил Василий. – Тогда тебе вернут кольчугу и оружие. Даже коня и жалование выдадут.

Олег медленно поднял взгляд на грека. Вот так, значит, выглядит его путь к искуплению. Непонятный чужеземец с непонятным заданием. В зеленом с золотом кафтане и с зачесанными назад волосами. И пахнувший цветами.

Хорошо, что дед уже помер, а то не дай Бог увидел бы.

Раздраженно почесав щетину, дружинник спросил:

– Выбора у меня нет, верно понимаю?

– Конечно есть, – мягко ответил Василий. – Силой тебя никто не заставляет. Если не хочешь браться за эту работу – иди на все четыре стороны, ты вольный человек. Но я буду очень рад, если ты все же согласишься. Да и зачем тебе отказываться? Неужели молодому воину не хочется приключений?

– Почему я? Тут воинов много, они не облажались, как я. Не приглянулись тебе?

– Их я не знаю. С тобой понятнее. Я видел, как ты дерешься, как относишься к поручениям. Теперь поговорил с тобой, понял лучше. Зачем мне искать кого-то другого?

– Так может я тебе наврал!

Грек загадочно улыбнулся.

– А я всегда вижу, когда кто-то врет. Вот ты мне почти не врал сейчас.

Олег хмыкнул.

Неподалеку от них слуга вырывал сорняки. Взгляд у него был тусклый, отсутствующий, движения – медленные, вялые. Наверняка он точно так же работал вчера и будет точно так же работать завтра. Это гнетущее хозяйственное постоянство пугало Олега. От него он и бежал в дружину.

– Куда я денусь, грек? – буркнул он. – Согласен, покажу тебе Русь.

– Отлично! – Василий радостно хлопнул в ладоши. – Тогда пойдем быстрее обратно, князь как раз собирается раскрыть свою стратегию

Олег встал, отряхнул шаровары и последовал за своим новым боевым товарищем.

В храме было тесно. В неф набились вся дружина Михаила. Они толкались локтями и отдавливали друг другу ноги, пытаясь подобраться поближе к князю.

Сам Михаил стоял у алтаря, гордо подняв голову и выпятив грудь, будто собирался читать проповедь. Священникам пришлось забиться в угол, откуда они бросали на непрощенных гостей обиженные взгляды.

При встрече с Олегом сослуживцы – точнее, уже бывшие сослуживцы – тушевались и отводили глаза. Только Еремей коротко кивнул ему и быстро отвернулся.

– Братья! – гаркнул Михаил. – Долго говорить не буду, не для болтовни сейчас время. Идем мы во Владимир. Там нас ждут, город мой по праву, биться не придется. Сядем, будем порядок держать. Как разберемся – будем остальное княжество прибирать, за брата моего отмстим, виру соберем. Всех виновных накажем! Труда много будет, поэтому за три месяца жалованья в три раза больше дам. Пойдете со мной?

Дружинники одобительно загудели, покивали. Обошлось без воинственных криков и бряцанья оружием. Здесь все было спокойнее, чем на пиру

– Молодцы, – заключил Михаил. – Тогда бегом собирать лагерь, чтобы к обеду все готовы были!

Дружинники гурьбой поспешили на выход. Гулять на воле они любили, но безделье приедалось. Взбудораженным и запутавшимся бойцам хотелось действий. Без них в головах раздрай начинается.

Дождавшись, пока дружина выйдет, Михаил повернулся к Василию и Олегу.

– Что, Вася, уговорил этого дурня?

– Господин, хочешь ты того или не хочешь, а я вину с себя смою, – осмелился ответить Олег.

– Это ты не мне говори, а Васе, он твой начальник теперь. Ладно, не важно это все. Слушай сюда.

Михаил шагнул назад и сел на алтарь, чуть не столкнув на пол открытое Евангелие. Кто-то из церковников возмущенно зашипел.

– От княжества я не откажусь. От справедливости тоже. Так что каждого, кто той ночью темное дело совершил, нужно изловить и ко мне доставить. Всех: Петра, Якима, Ивку, Анбала, Прокопия. Если кого еще виноватого найдете – тоже схватить. Я их заставлю во всем признаться, еще и перед другими князьями, чтобы ни у кого вопросов к моему праву не было. Этим вы и займетесь.

Олег представил лица заговорщиков. Нужно их запомнить, выжечь в памяти. Он не успокоится, пока не заставит каждого держать ответ. За правду, за честь. Ну и за прощение княжеское, конечно.

– А еще нужно узнать, кто Кучковичей покрывает, – Михаил нервно дернул себя за ус. – Сами бы они на это не решились, нет. Кто-то сильный с ними встал, тайно.

– Кто же?

– Я откуда знаю? Может Ярослав киевский, звереныш этот. Прознал как-то, что на него поход готовят, и решил втихую все решить. Может новгородцы – обиду на Андрея за прошлые походы затаили. А может ему вообще степняки разорения не простили, кто их поймет. Андрей многим насолил, многие за его смерть пить будут.

Михаил все сжимал и разжимал кулаки, будто душил всех возможных врагов.

– Только помните, что не на простых разбойников идете. У Кучковичей свои войска есть, да и других бояр они наверняка на свою сторону перетянули. Ростовские и суздальские полки с ними будут, опять же. Сами мы с ними не управимся, а значит нужны нам союзники. Но просто так никто за нас не встанет, придется друзей покупать. Земли я никому не дам: и так отчину разрывают. Было великое Залесье, а будет великое Порванье – уделы по три пяди! Так что будем деньгами платить.

– И эти самые деньги ты возьмешь у своих же врагов, – с понимающей улыбкой сказал Василий.

– Конечно возьму, раз сами дают! Три тысячи на дороге не валяются, на них можно много воинов купить.

Олег нервно закусил губу. Михаил рассуждал не по-княжески, а по-купечески. Слишком приземленно, сухо, разумно. Забыть о чести и брать серебро у убийц брата? Может и умно, но как-то гнилостно.

Говорить он этого, конечно, не стал.

– Они нас будут ждать недалеко отсюда, – продолжал Михаил. – Я их подарки приму, а вы потом за ними следом поедете. Проследите, куда двинут и с кем говорить будут. Если кто из виноватых попадется – узнайте, где он хоронится. Сами не хватайте, отправьте мне весточку, я людей отряжу. Ясно?

– Все ясно, – подтвердил Василий. Олег ограничился кивком.

– Это хорошо, – Михаил устало вздохнул. – Тяжелая у вас задача, что тут сказать. Но если сдюжите – не забуду. Награжу и золотом, и почестями, и землей. Даже тебя, дурак криворукый. Главное слушай Васю, он за старшего.

Олег смущенно кашлянул. Вроде бы мечтал всегда о таких особых поручениях и щедрых наградах. Но ведь не в таком положении. . .

– Господин, не переживай, – уверенно сказал Василий. – Я хорошо умею узнавать правду, ты это знаешь. Олег силен и знает эти места. Вместе достанем тебе справедливость.

Михаил посмотрел на икону рядом с алтарем. Спаситель ответил ему, глубоким, таинственным взглядом.

– Как мне не переживать? Мы же с Андреем еще отроками встретились, вместе на охоты ездили. У него тогда отец все за киевский стол воевал. Летом и зимой гонялся из угла в угол, про семью забыл. А Андрей в Суздале сидел с матерью своей половицейкой, по лесам гулял и читал. Он вообще книги любил, умный был не по годам, любого попа переспорить мог. . . Но и силы в нем было ого-го! Однажды сиганул на кабана с ножом!

На лице Михаила промелькнула удивительно мягкая, счастливая улыбка. Олегу даже стало завидно, что у него не было родных братьев.

– Насколько я слышал, он был праведником, – скорбно произнес Василий. – А значит умер легко и быстро, без агонии. Просто отошел Богу под руку.

Князь потер переносицу и вздохнул.

– Может и так. Только все равно слишком рано его отошли.

Полученная при вступлении в дружину кольчуга всегда казалась Олегу дряхлой и уродливой. Оно и понятно: новая броня дорого стоит, новобранцам ее просто так не давали, не заслужили еще.

Часть колец проржавела, плечи были слишком широкие, при движении она скрежетала и гремела. Олегу давно хотелось обменять ее на что-нибудь приличнее, может даже на красивый новый панцирь.

Но теперь, когда ее чуть не отобрали, он обнял кольчугу как старого друга. Шлем он заботливо завернул в тряпье, боевой топор приладил к поясу, щит повесил за спину. Все это было как старые домашние побрякушки, без которых и жизнь представить сложно.

Времени оставалось мало, да и задерживаться было незачем. Олег выбрался из палатки и пошел через лагерь. Повсюду бойцы торопливо собирали свой скарб, вытаптывали костры, торопливо ели перед маршем. Несколько молодых дружинников стояли в стороне и оживленно спорили.

– Что там в этом Владимире делать? Нет бы в старые города, в Ростов там или в Суздаль. Все равно что на деревню посадили. . . – ворчал один.

– Ты как дед говоришь, – возразил другой. – Владимир знаешь как вымахал за двадцать лет? Не то, что наш Торческ. Тыщи душ живут, хоромы вот такие!

– Вот, и я о том же, – поддакнул третьей. – А еще у моей тетки там дом есть, где она девок гуляющих держит. Сходим, погудим...

– Все равно глухомань. Лучше в Киев пошли бы, как старый князь хотел. Там тепло, золото везде, купцы отовсюду...

– И все втридорога, в том числе и девки, – ехидно добавил Олег, подходя ближе. – А во Владимире тебе, защитнику, может и бесплатно чего упадет.

Увидев Олега, все трое замолчали, нахмурились и отвернулись. Тот раздраженно сплюнул и пошел дальше.

Еще недавно кипевший жизнью лагерь совсем опустел. Сотни уехавших гостей оставили после себя только сор, некоторые побросали даже свои палатки. Последние разносчики и мастера окружили оставшихся дружинников, отчаянно пытаются продать свои товары и услуги по бросовым ценам. У края лагеря уже рыскала небольшая стая бродячих собак, которые выискивали объедки.

Недолговечны стоянки воинов. Сегодня под одним небом спишь, завтра – под другим. А на следующий день может и вовсе неба не увидишь.

Олег с детства считал это самой правильной жизнью. Любой свободный человек в расцвете сил должен мир смотреть и всем показать свое умение. Его ремесло было военное, а значит должен он носить оружие, служить князю и стоять плечом к плечу с другими дружинниками.

И вот он вроде при оружии, вроде все еще служит князю. Но не как положено, не по воински. Как-то просто не так.

Олег пытался избавиться от надоедливых беспокойных мыслей, которые как мухи жужжали у него в голове. Убеждал себя, что ничего плохого не случилось. Ну походит с греком, поищет убийц. Выслужится перед Михаилом и обратно в дружину вернется. Может даже с наградой щедрой.

Только за какие именно дела ему эта награда будет? Что для нее делать придется? Непонятно, а потому страшно.

Да и задачу им дали не из простых. Легко сказать – «найди». Приметные из всей банды только сами бояре Кучковичи, которые в укрепленных местах с охраной и свитой сидят. Остальные могут где угодно спрятаться. Залесская земля большая, глухих углов в ней много. Зароется убийца в какую-нибудь землянку посреди леса, так его потом годами ищи – не сыщешь.

Кто-то громко кашлянул сзади. Василий обернулся и увидел Еремея. Сотник мялся на месте и подергивал рыжую бороду. Видеть его таким смущенным было странно.

– Здорово, – выдавил он. – Собрался уже?

– Ага, я налегке.

– Это правильно, да... Слушай, извини, что я к тебе сразу не пришел. Просто и дела навалились и вообще там все непонятно было...

– Да ладно тебе, зла не держу, – Олег вяло отмахнулся.

Поначалу он и правда обижался на Еремея, считал себя преданным. Что за друг такой, который только на потешных боях и пирах рядом? А потом понял, что с ним знаться теперь вредно, даже опасно. Может уже решили, что его неудача другим передается, как порча.

– Это самое... – продолжал сотник, с трудом подбирая слова. – Слышал, что тебя князь с греком на какое-то странное дело отправляет, душегубов искать.

– Что-то вроде того.

– Ты там не подставляйся особо. С такими людьми иногда за столом опаснее, чем на сече. Понятно, что хочешь перед князем блеснуть. Но ведь жизнь-то у тебя одна! Будешь мертвый – как почести получишь? Я ведь отца твоего знаю, на ярмарках встречаемся. Как я ему в глаза смотреть буду?!

Еремей начинал распалтасываться. Олег остановил его жестом и пожал плечами:

– Не волнуйся ты так. Я все понимаю. Постараюсь как-нибудь не сгинуть раньше срока.

Ладно, бывай, сотник. Может еще свидимся.

И он зашагал прочь.

Василий ждал его у дороги с двумя конями: вороным и пегим. Животные были хорошо обученными: стояли смирно, не дергались, даже траву без команды не щипали.

– Грозно выглядишь, воин! – улыбаясь сказал Василий. – Как настоящий Дигенис Акрит.

– Как кто? – непонимающе переспросил Олег.

– Богатырь такой греческий, потом обязательно расскажу. Садись, нам уже пора выдвигаться. Поедем впереди войска, разведаем место.

Олег, разумеется, хотел занять вороного жеребца – героям именно такие скакуны и положены. Но Василий с неожиданной скоростью и легкостью взлетел на черного коня и удобно устроился в седле.

Олег неуклюже вскарабкался на пегого. Ездить верхом его в детстве, научили, но в седле он все еще держался неуверенно, даже пугливо. Особенно, если ехать быстро. Чтобы стать сотником, конечно, нужно было научиться скакать не хуже половца, но он все откладывал учебу. А зря.

Заметив дурное настроение боевого товарища, Василий хлопнул его по спине:

– Бодрись, Олег! Солнце греет, ветер свежий, а наша песня еще не спета. Разве это не счастье?

Олег покосился на грека. Какой-то невозможный человек, как со звезды свалился. Все не успокаивается, лыбится. Если у греков все такие, то неудивительно, что они у себя столько всего странного нагородили.

Глава пятая

В которой сидят под кустом, едут через темный лес и зря переводят пиво.

Олег ожидал, что в засаде он будет часами сидеть в холоде и темноте, согнувшись в три погибели, грязный и голодный. Засада ведь вообще дело темное, неприятное. Дружинник это понял, принял и приготовился терпеть.

Поэтому он сильно удивился, когда Василий предложил ему удобно прилечь на расстеленный под кустом диких ягод плащ и достал сверток с колбасой и ржаным хлебом.

– Подкрепись, силы нам еще понадобятся.

Олег с благодарностью принял еду и начал жевать, вглядываясь в даль.

Кучковичи назначили Михаилу встречу на переправе через безымянную речку у края густого леса. Находилась эта переправа посередине между двумя великими залесскими городами: Владимиром и Суздальем Место было глухое, закрытое от мира дремучим лесом. За весь день тут проехала только одна крестьянская телега. Мужик на козлах ошалело глазел на ряды дружинников, а потом подстегнул лошадь, стараясь побыстрее проехать мимо.

Сам князь стоял впереди, вместе с Еремеем. Остальные дружинники – чуть позади. В боевом облачении, неподвижные, в свете луны и факелов они казались отрядом богатырей из страшной сказки. Ну или это утомленное воображение Олега снова разыгралось.

– Василий?

– Да?

– А какой святой за засады отвечает?

– В каком смысле?

– Ну, кому мне помолиться, чтобы у нас тут все получилось?

Грек усмехнулся и укоризненно посмотрел на Олега.

– Святые мужи в такой ерунде помогать не будут. Я бы на твоём месте не беспокоил их молитвами, а постарался бы не привлекать внимания.

– А как его не привлекать-то?

Василий задумчиво пожевал травинку и ответил:

– В таких случаях лучше всегда стараться выглядеть так, будто ты и должен тут быть. Тогда даже если заметят, то ничего не сделают.

Олег ничего не понял, но энергично кивнул головой. И на всякий случай начал бормотать молитву святому Трифону. Понятно, что обычно его о заступничестве рыбаки просят. Но и они здесь, в каком-то смысле, скользкую и жирную рыбу ловят.

Они с Василием выехали вперед дружины и заранее осмотрели место. Подготовить западню для Кучковичей там было бы сложно: много воинов попросту негде было спрятать. Успокоившись, они расположились на южном берегу в десяти шагах от дороги. Чтобы скоротать время, Олег рассказывал греку про Залесье.

– А города у нас главных три: Владимир, Суздаль да Ростов. Ростов – самый старый, Владимир – самый новый, да и самый важный сейчас.

– Какое между ними расстояние?

– Ну, от Владимира до Суздаля верст тридцать, недалеко, – Олег задумался, повертел ладонью. – До Ростова подалее будет, точно не знаю сколько. Верст двести? Может и триста.

– Надо же, – грек звучал чуть разочарованно. – А мне говорили, что Владимирское княжество велико, больше всех других.

– Так я тебе только про Ополье говорю! Это всего полкняжества. Из края в край ты только за пару седмиц доберешься, а то и больше. От Устюга до Звенигорода ехать, по лесам, по холмам... Местами можно за день ни одного человека не увидеть, так широко все раскинулось.

После разговоров о разных русских землях, они успели обсудить свой простой план. Потом, если все пройдет тихо, Кучковичи должны были двинуться дальше на север – скорее всего, в Суздаль. Олег и Василий поедут за ними следом, притворяясь простыми путниками. Если получится – прибьются к вооруженному отряду «для защиты» и попытаются что-нибудь разузнать.

Правда, Кучковичи все не появлялись. Воины Михаила заскучали, развели пару костров, начали готовить еду. Олег хотел выйти к ним, но Василий его удержал.

– В тайных делах нельзя быть слишком незаметным, – произнес он и многозначительно ткнул пальцем в небо.

После этого время текло медленно, Олег измаялся от ожидания. Ему хотелось побыстрее начать действовать, почувствовать, что он наконец принялся за работу.

Дружинник чуть не запел от радости, когда уже поздней ночью с юга наконец раздались голоса, топот копыт и скрип телег. Затем из-за поворота показалась группа конных и пеших. Их было человек двадцать, не больше. Для нападения маловато, значит правда хотят договариваться. Это, конечно, если другие не прячутся где-нибудь еще.

– Смотри в оба, – прошептал Василий.

Во главе отряда ехал Яким, облаченный в дорогого вида панцирь. Петра было не видно. Похоже, что старший брат считал переговоры недостаточно важными, отправил вместо себя младшего.

Олег покосился на Михаила. Тот все еще невозмутимо сидел на своем здоровом боевом коне. Если бы не вздувшаяся у него на лбу вена, можно было подумать, что он абсолютно спокоен.

Отряды остановились по разные стороны речки, в полусотне шагов друг от друга. Кучкович подъехал вплотную к воде. Михаил неторопливо направил коня к нему.

Ветер дул на в сторону Олега и доносил слова переговорщиков:

– Здрав будь, князь! Как добрался? – начал Яким.

– Я-то здоров. А вот брат мой, Андрей, не очень, – бесцветно ответил Михаил. – Гадюки его ядовитые укусили.

– Прощения я у тебя не буду просить, все равно не простишь. Да и правильно. Зато мы можем с тобой договориться, как дальше жить вместе. Тихо, мирно.

– А если не захочется мне мирно? Если не захочу с вами городами делиться?

– Можешь войной на нас пойти, конечно, – Яким пожал плечами. – Может даже победишь, хотя и очень вряд ли. Только потом все равно стол не удержишь. Бояре ростовские и суздальские тебя не хотят – надоело им на цепи сидеть, сговорчивого князя им нужно. А соседи с радостью твоей слабостью воспользуются. Так что если захочешь все – останешься ни с чем.

– Чего ты тогда от меня хочешь? Точнее, чего твой брат старший от меня хочет?

– Мы хотим, – с нажимом на первое слово ответил Яким, – Чтобы ты сел во Владимире и правил там. Чтобы великий город и дальше рос и расцветал. А мы тебе в этом поможем. Надо будет – встанем рядом с тобой в поле с полками своими, вместе ото всех отобьемся. А еще денег дадим, много.

Яким повернулся к своим и громко свистнул. К речке подвезли скрипучую телегу, груженную мешками. Кучкович достал нож, ловко распорол один из мешков и достал гнутую гривну. Серебро заманчиво блеснуло в лунном свете.

– Три тысячи тут, как договаривались. Если хочешь – проверь, пересчитай. Все серебряные, медь не добавляли.

– Я тебе не торгаш, чтобы деньги проверять, – огрызнулся Михаил. – Три так три.

– Славно. Что скажешь, князь? По рукам?

Михаил медленно втянул воздух носом. А затем положил руку на рукоять меча. Дружинники с обеих сторон зашевелились.

– Я вот чего спросить у тебя хотел, Якимка. Вы ведь так и не забыли батю своего? Как его старый князь Юрий на собственных воротах вздернул за дерзость? Как вас с Петром мальчонками силой к Андрею приставил?

Спина Якима напряглась. Олег не видел лица боярина, но мог представить, что оно совсем не счастливое.

– Вас ведь тогда чуть босяками не оставили, – продолжал Михаил с кривой ухмылкой. – Хотели деревни ваши забрать, вас самих пустить по миру. Ходили бы боярские чада в обмотках, с протянутыми руками... Только Андрей вступился за вас, защитил. Таскал вас везде с собой, на сестре вашей женился. Так он вас обидел?

– Мы все помним, – сдавленно ответил Яким. – И худое, и доброе. От тебя тоже не забудем.

Михаил усмехнулся и задумчиво посмотрел на мешки с деньгами. Медленно убрал руку от меча, пожал плечами.

– Прав ты, – сказал Михаил. – Простить я вас не смогу. Да и не захочу. Но и отчину просто так по ветру пускать не буду. Хватит уже сумятиц повидали, народ намучался. Так что согласен я на ваш договор, пусть он мне и противен. Возьму ваше серебро и даже дружбу вашу приму.

– Славно, – выдавил Яким.

Он медленно вытянул вперед руку. Михаил взял ее за локоть и пару раз резко потряхнул. Никакой братской любви в этом жесте не было.

– Поехали мы тогда, – сказал младший Кучкович. – Храни тебя Бог во Владимире, если что – посылай гонцов. Ответим.

Не дожидаясь ответа, Яким снова свистнул и махнул рукой. Его отряд двинулся вперед, через брод. Кроме двух всадников, которые наоборот развернулись и поехали обратно на юг.

Олег толкнул Василия локтем и шепнул:

– Смотри! Куда это их понесло?

- В той стороне есть что-то кроме Владимира?
- Только леса да болота. А потом кучковские земли, но это уже совсем далеко.
- Ясно. Нехорошо это, – грек погладил бороду.
- Почему?

– Сам подумай: зачем им туда, если только что оттуда приехали? Они наверняка возвращаются во Владимир, сообщить кому-то, что Михаил согласился на уговор. Значит, у заговорщиков там кто-то остался. То есть под боком у нашего князя будут лазутчики.

Черты Василия заострились, стали будто орлиными.

Тем временем отряд Кучковича пересек речку и медленно двигался сквозь разделившихся на два ряда дружинников Михаила. Они хорошо понимали, что окружены теми, кто с радостью бросится на них по первому зову, и старались смотреть в землю.

- Уйдут ведь сейчас, – предупредил Олег. – За ними нужно.
- Нет, не нужно, – ответил Василий. – Поедем за теми двумя.

– Зачем? Яким же там, он нас к остальным выведет!

– Кучковичей мы и потом найти сможем. А эти двое улизнут и все, будут где-то прятаться, неизвестно что делать. Сначала дом Михаила очистить нужно, потом остальное.

– Так может мы просто князя предупредим, а он уж сам свой город почистит?

– Он с дружиной медленно ехать будет. А еще ему окрестных бояр объехать нужно, с них целование собрать. Мы в городе утром сможем быть, а он, дай Бог, завтра вечером. За это время там могут что угодно натворить, так что нужно спешить.

– Но ведь...

– Не спорь, друг, – решительно отрезал Василий. – Командиром сделали меня, а значит решения принимаю я. Давай, двигаемся за ними. Только близко к ним не подъезжаем, держимся шагах в ста и за деревьями, чтобы не заметили раньше времени.

Олег стиснул зубы. Вот тебе и «боевой товарищ», вот и «наравне». Дай человеку власть понюхать, так он в нее зубами вцепится.

Кучковские посыльные уже скрылись в чаще. Олег и Василий быстро отползли от дороги, встали и побежали к стреноженным неподалеку коням.

Неуклюже покачиваясь в седле, Олег изо всех старался ехать медленно и ровно. В лесу это было непросто: конь будто специально наступал в каждую ямку и спотыкался об каждый торчавший корень.

На счастье, кучковские посыльные не съезжали с дороги и двигались медленно, громко переговариваясь друг с другом. Кони у них были тяжелые и оставляли на земле заметные следы, поэтому держаться у них на хвосте было несложно.

Дорога петляла между высокими деревьями, которые скрывали всадников друг от друга. Листья шумели на разгулявшемся ветру, на ветвях ухали совы. Луна освещала дорогу, но то и дело пропадала за облаками или за верхушками деревьев. Пока слежка была не самой сложной.

– Под утро из леса выедем. Там места открытые, прятаться уже не получится, – предупредил Олег.

– Что-нибудь придумаем, – ответил Василий. – Может подъедем и заболтаем их. А может погрозим им оружием, напугаем их, пусть глупость какую-нибудь сделают. Но пока нужно тихо, чтобы не спрятались.

– Ты будто не в первый раз так за людьми гоняешься.

– Я много всякого раньше делал, – грек загадочно улыбнулся. – Поверь, нам еще повезло. Вот следить за человеком в пустыне – та еще морока. Где в песке спрячешься? Ох, повезло вам с такими лесами...

Ночь тянулась долго. Иногда в просветах между деревьями Олег видел движение или силуэты посыльных. Тогда они останавливались и ждали несколько минут, восстанавливая дистанцию. Затем ехали дальше.

Олег старался не обращать внимания на раздражающие остановки и дышать полной грудью. В детстве он побаивался ночных лесов. Наслушавшись страшных сказок, он все ждал, что из-за деревьев появятся леший и лешачиха, которые утащат его с собой. С возрастом он понял, что есть и более страшные вещи, а к лесу стал относиться намного теплее.

Свежий воздух и движение бодрили, спать совсем не хотелось. Вот только занять себя Олегу было нечем. Говорить Василий не хотел: то ли из осторожности, то ли из-за сосредоточенности. На ходу заниматься обычным досугом воина – чисткой оружия и брони – было неудобно. Оставалось предаваться размышлениям.

Поначалу у Олега на душе было как-то гадко. Переговоры Михаила и Якима показались ему противными. Оба рычат друг на друга, ходят вокруг да около, как волки. Но никто шаг вперед не делает, в честную драку не лезет. И оба врут, хитрят.

Не к такому человек Олег на службу шел. Он собирался биться за храбреца, за воителя, а не за притворщика. Где же княжеская честь? Почему он не побил предателя, не взял в плен?

Дружинник – а Олег, несмотря ни на что, продолжал считать себя именно дружинником – должен гордиться начальником, превозносить его, честь его защищать перед всеми. А как хитрецом гордиться?

Но потом гадостливость заглушил азарт. В неторопливом преследовании было что-то приятно затягивающее, дающее чувство силы. Хищное, как на охоте. Кучковские посыльные будто были бегущими зайцами, а он – голодным загонщиком, который вот-вот достигнет свою добычу. Только вместо мяса он собирался получить ответы.

Потеряв счет времени, Олег не сразу заметил, что мир начал светлеть. Птицы стали петь громче, в кустах зашевелился мелкий зверь живность. На высокую траву упали первые солнечные лучи.

– Скоро выедем в поля, – потянув носом сказал Олег.

– Понятно. Будь готов ко всему, – Василий выпрямился и проверил короткую кривую саблю у себя на поясе.

Олегу, конечно, не хотелось неприятностей. Но посмотреть на грека в бою было любопытно. Умеет ли худой красавец вообще драться? Может у него какая-нибудь особая греческая боевая наука? Интересно.

Вскоре деревья начали редеть, воздух переставал пахнуть хвоей. Рассветное солнце поднималось все выше и уже начало согревать подмерзшие за ночь кости.

Проехав еще с полверсты, они наконец выбрались из леса. Перед ними открылись дикие поля, покатыстые холмы, цветущие луга и пара стоящих в стороне хат. Залесье во всей своей красе.

– Чего-то я их не вижу... – обеспокоенно сказал Олег, всматриваясь вдаль.

– А я вот вижу, – мрачно произнес Василий.

– Эй, люди добрые! – раздалось справа.

Кучковские посыльные сидели на опушке леса неподалеку от дороги. Между ними был раскинут платок, на нем лежали краюха хлеба, огурец и маленький кувшин. Посыльные приветливо улыбались.

Олег остолбенел. Он будто наступил в трясиину и начал быстро проваливаться.

Как так? Что делать? Сразу доставать топор или сначала поговорить?

К счастью, Василий не растерялся:

– Доброго утречка, путники! – ответил он. – На привал остановились?

– Да, подустали с дороги. Давайте к нам, посудачим!

– Это можно, – грек добродушно усмехнулся и направился к опушке. Олег последовал за ним.

Они слезли с коней и привязали их к тонкой сосне. Василий открыл седельную сумку, достал оттуда кусок солонины и как бы случайно наклонился к Олегу.

– Молчи, я разберусь – шепнул он.

– Чего это там у вас? – спросил широкоплечий посыльный с кривым носом и пышными усами. – Мясо? Это вовремя, у нас как раз хлеб свежий да олуй-пиво. Давайте, сейчас настряпаем.

Быстрыми движениями ножа он нарезал хлеб и раздал всем по щедрому куску. Второй посыльный – тощий мужчина со светлым чубом на голове и вытянутым бритым лицом – проворно разлил пиво в берестяные стаканчики.

Олег и Василий присели на траву напротив кучковских. Как пахари на завтрак в поле вышли.

– Меня Оглобом звать, – представился кривоносый, с аппетитом жуя солонину. – А этого вот жердя – Никитой. Вы кто будете, люди добрые? Куда путь держите?

– Мое имя – Василий, я купец, – ответил Василий, осторожно отпивая пиво. – А это мой провожатый, Олежа. Мы во Владимир едем, за товаром.

Олег молчал и сидел как на иголках. Вот зачем это? Неужели нельзя все решить проще, на кулаках или на мечях? Дурацкая это тайная работа, мутная.

Никита тоже молчал, только смотрел куда-то вдаль и стучал пальцами по тощим коленям. Он весь был какой-то угловатый, дерганый, неровный. Судя по морщинам и редкой седине, ему было лет сорок, но с бритым лицом и коротко стриженными волосами он был похож на мальчишку.

– Да? Здорово как, мы тоже туда, – пробасил Оглоб. – А зачем вам рубила такие с собой? Сабля, топор боевой. Провожатый твой еще и в кольчуге... Купцы обычно попроще ездят.

– Так то раньше спокойно было. Сейчас дороги опасные, все вооружились, – невозмутимо ответил Василий.

– Это да, не поспоришь, – Оглоб вздохнул и скорчил скорбную гримасу. – В пути сейчас зевать нельзя, а то попадешь... Слушайте, а может мы вместе до города поедем? Так веселее, да и спокойнее будет, а?

Василий сделал задумчивый вид. Почесал бороду, помычал.

– Давай, отчего бы и нет? Только если мешкать не станете. Не серчай, просто спешим мы.

– Да и нам бы побыстрее доехать. Не переживай, к полудню доберемся, – Оглоб заговорщически подмигнул. – Допьем на дорожку?

Он залпом осушил свой стаканчик. Остальные последовали его примеру. Олег пил без удовольствия, будто проталкивая пиво сквозь ком в горле. Никита тоже приложился к стаканчику без особой радости.

Василий и Оглоб еще несколько минут болтали о каких-то мелочах. Посыльный много смеялся и активно жестикулировал, рассказывая, как они ехали от «дядьки в Суздале». Врал он легко и задорно – хороший соглядатай, наверное.

Когда все было съедено и выпито, Оглоб встал и отряхнулся.

– Ну что, мужики, вы еще посидите, я скаунов подготовлю, да и поедем.

Вразвалку, широко зевая он направился к коням.

Олег вдруг показалось, что ему под ребро загнули иглу. Это чувство он хорошо знал. Оно уже приходило к нему перед тем, как в детстве наткнулся на озлобленных мальчишек из соседней деревни, с которыми был в ссоре. Или перед тем, как, во время осады Торческа, нападавшие начали поливать стены стрелами. Что-то было не так.

Оглоб зашел за спину Василию. Затем резко развернулся и с размаху пнул грека в голову.

– Хватай его! – заревел он.

Никита вскочил с места и бросился на Олега. Он был худым, зато быстрым и цепким. Такой возьмет в захват – без помощи не выкарабкаешься.

К счастью, Олег был готов.

Он быстро завалился на спину, уперся локтями в землю и ударил Никиту ногами в живот. Посыльный согнулся пополам. Олег вскочил, схватил противника за шиворот и рванул в сторону. Никита потерял равновесие и приземлился прямо на хрупкий кувшин с пивом.

Олег повернулся к Оглобу – тот уже держал в руке длинный нож.

– Не бойся, красавица, сейчас я тебя быстро... – бормотал он.

Несколько долгих секунд они смотрели друг на друга, примеривались, готовились. Вдохнули, напряжились и побежали вперед.

Оглоб резко выбросил нож перед собой. В последний момент Олег успел вильнуть в сторону, лезвие прошло в паре пальцев от его груди. Налетев на Оглоба, дружинник умело боднул его лбом в нос. Посыльный крикнул и отступил назад.

Олег покосился на Никиту. Тот все еще елозил по земле и, кажется, не спешил вставать. Можно было сосредоточиться на его озверевшем товарище, который бешено размахивал перед собой ножом и сплевывал кровь из разбитого носа.

Подходить к нему было опасно – бьет без прицела, наугад, но случайно зацепить может. Олег решил не рисковать и достал топор. Оружие приятно тяжелило руку, раззадоривало. Олег размахнулся и ударил Оглоба в плечо обухом.

Посыльный ухнул и выронил нож.

Дружинник не остановился и продолжил охаживать противника: по спине, по ногам, по плечам, по животу. Работа была приятная и понятная. С каждым ударом выходило немного накопившейся злобы, дышалось чуть свободнее.

Оглоб сломался быстро. Проседая под ударами, в конце концов он повалился в траву и сжался в клубок.

Олег упер руки в боки и отдышался. На душе стало хорошо, тепло. Дела князей и соглядатаев для него были сложными и запутанными. Зато топор он понимал отлично.

Потирая лоб, Олег осмотрелся. Василий медленно поднимался. К его чести, грек не стоял и вообще выглядел довольно бодрым. Никита тоже смог встать и выпрямиться. Его темная рубаха была залита пивом, рука поцарапана осколком.

Олег вопросительно посмотрел на свой топор.

– Нет-нет, мне не надо, – Никита поспешно поднял руки.

Олег хмыкнул.

– Хорошо сработал, – прохрипел Василий. Грек откашлялся и сплюнул. Даже это у него получалось как-то с изыском, обстоятельно.

– Это тебе не панкратион ваш греческий, – гордо ответил Олег. – Тут клювом шелкать нельзя. А чего же ты так проворнил? Говорил же, что знаешь, когда врут!

Умом он понимал, что смеяться над греком не стоит – неправильно это. Но очень уж хотелось продлить радость от победы.

– Я знал, что он врет, но неправильно понял о чем – признал Василий. Грек пожал плечами и улыбнулся, – Хорошо, что у меня есть такой талантливый защитник.

Олег хотел съехидничать, но не нашел слов. К комплиментам он не привык, добрые слова его смутили. Раздраженно цокнув языком он указал топором на кучковских посыльных.

– С этими что будем делать?

– Придется как-то узнать, к кому они ехали, – грек нахмурился. – Неприятная это работа, но меня учили вытаскивать секреты.

– Мужики, а разрешите слово сказать, – подал голос Никита.

Олег посмотрел на него и сурово нахмурился.

– Чего тебе?

– Я вам и так все расскажу, не нужно из меня ничего тащить. Вы ведь Михаилу служите, да? От переправы за нами едете?

Олег и Василий переглянулись и промолчали.

– Я против вас и князя вашего ничего не имею, – быстро добавил Никита. – Мне за работу платят, но мучаться ради этого это не хочу. Давайте просто расскажу все, пожалуйста?

Василий пристально посмотрел пленнику в глаза:

– Если соврешь – я это узнаю. И за каждую ложь буду отрезать тебе по пальцу.

Олег покосился на боевого товарища. Такого холода от холеного и лощеного грека он не ожидал. Притворяется или на самом деле пытаться готов?

Никита размашисто перекрестился и положил руку на сердце.

– Клянусь, все честно скажу!

– Хорошо, – Василий повернулся к Олегу. – Сделай милость: свяжи пока могучего Оглоба, веревка у меня в сумке. Потом садись к нам, пообщаемся.

Оглоб не сопротивлялся, только ворочался, хрипел и потеряно вращал глазами. Олег почти пожалел его но затем он вспомнил острие ножа, которое едва не порвало ему бок.

Пристроив посыльного у дерева, он вернулся к Никите, стараясь выглядеть грозно. Для пущего страху покачивал топором – больше ничего пугающего не придумал.

– Как вы нас раскусили-то? – спросил Олег.

– Да Оглоб еще в лесу заметил, что вы за нами плететесь! Я говорил, что бежать надо, а он талдычит: «Обожди, мы их за загривки поймем, живьем доведем, хозяева доплатят». Предупреждал же, что не надо...

– Понятно, не продолжай, – раздраженно буркнул Василий. – Куда ехали?

– Во Владимир. Там должны были в полдень под Мономаховым кремлем встретиться с каким-то дворовым. Надо было у него забрать какую-то грамоту и вернуться к Якиму. Они с Петром в Суздале, заправлять там собираются.

– Что Яким во Владимире делал? – спросил Василий.

– Ну откуда мне знать!?! – Никита выглядел виновато. – Он туда два дня назад прилетел, метался как ошпаренный, секретничал где-то по темным дворам. Точно замыслил чего-то, по роже видно было. А вчера под вечер всех своих из города вывел, поехали с вашим Михаилом встречаться.

– Вы-то сами кто? Из дружины?

– Да какая... Я – расстрига, из монастыря бежал. Этот хрен, – Никита кивнул в сторону Оглоба, – разбойник бывший, у него артель под Переяславлем перебили. Пришли мы прошлой весной к Кучковичам в Москву – там всех принимают, весь сброд туда стекается. Примелькались, Яким нас на службу взял. Меня – писарем, его – охранником. Ну и на побегушках у него бегаем иногда.

– И что, – Василий усмехнулся. – Не чувствуешь долга перед хозяином? Так вот просто предашь его?

Никита скривился.

– Если моих бывших братьев послушать, то я и Иисуса своим бегством предал. А Якиму до Спасителя далеко, та еще падаль. И платит мало, и бьет много, к тому же дурак. Нет, ради него я шкуру себе портить не стану.

Василий задумчиво пригладил бороду и оценивающе посмотрел на расстригу. Затем взял Олега за локоть и отвел дружинника в сторону.

– Возьмем его с собой, пусть нам послужит.

– Чего? Зачем?

– А что еще делать? Сами по себе мы не найдем того, с кем они должны были встретиться и не получим то, что они должны были забрать.

– А если он нас обмануть задумает?

– Может и задумает, но если ему достаточно денег предложить – не обманет. Я таких знаю, они за золото в любую петлю полезут. Правда, честно работать не хотят, вот и оказываются в таких бедах.

– Не знаю даже, – Олег обеспокоенно пожевал губу. – Уверен?

– Уверен. Нет, если ты сомневаешься – можешь попробовать его друга уговорить.

Олег посмотрел на Оглоба. Тот уже пришел в себя и яростно метался из стороны в сторону, отчаянно пытаясь порвать веревки. Проигрывать он явно не умел.

– Ладно, будь по твоему.

Василий вернулся к Никите и заговорил своим обычным, бархатным голосом:

– Ты нам помог, спасибо. Мы можем тебя отпустить, но есть мысль получше. Хочешь ты еще заработать?

Никита жадно облизнул губы.

– А чего бы и нет? Я человек работающий.

– Так сразу и понял, – Василий широко улыбнулся. – Тогда вот какое предложение: поедем с нами, все сделаешь, как тебе Яким сказал, только грамоту нам дашь. Если согласен – пять гривен сейчас и пять потом.

– Грамоту только за семь отдам, – незамедлительно выпалил Никита.

– Уговор, – согласился Василий.

Олег чуть не закричал от такой расточительности. На двенадцать гривен можно было жить долго и сладко. Многие крестьяне столько денег за раз никогда и не видели. А грек выбрасывал их на какого-то расстригу.

Никита проворно вскочил на ноги и низко поклонился.

– Буду вам служить верой и правдою. Давайте ехать, что ли?

– Подожди, – Олег кивнул в сторону все еще пытавшегося освободиться Оглоба. – С другом твоим что делать будем? Его с нами брать нельзя, сдаст с потрохами.

– Тут ты прав. Дайте-ка я его особым узлом перевяжу. К ночи расцарапает или развяжет, сам выберется. Еды и воды ему тут оставим рядом – не окочурится.

– А если медведь из леса выйдет? – спросил Олег.

Никита поднял взгляд к небу и мелко перекрестился.

– На все воля Божья.

Расстрига отряхнул руки и легкой, прыгучей походкой направился к лошадям.

Глава шестая

В которой город шумит, а княгиня печалится.

Владимир было видно издалека. Стоявший на семи неровных холмах вдоль Клязьмы, он не прятался за высокими стенами и не жался к реке. Город раскинулся вольготно и широко, открывшись миру.

Облепленный по бокам деревянными избами, сараями и складами, в центре Владимир был почти полностью каменный. Тут и там возвышались башни, блестели купола церквей и храмов, пестрели крыши барских и купеческих домов. Цветастое разнообразие города можно было рассматривать часами и постоянно находить новые детали.

Надо всем этим возвышался Мономахов кремль – старая крепость, с которой и начался город. Неподалеку от нее стояли княжеские терема. Там до строительства боголюбовского дворца обитал князь Андрей.

Олег бывал в городе несколько раз, когда они вместе с дедом или отцом ездили на большой рынок. По сравнению с деревней там было тесно, душно и страшно шумно, но Олега это не пугало. Он все вертел головой по сторонам, смотрел на незнакомую жизнь и бесконечные толпы людей, не понимая, как они все умещаются на узких кривых улочках.

Когда они подъехали ближе, дружинник с любопытством покосился на Василия: впечатлит его зрелище или нет?

Вряд ли. У него на родине, наверное, такие города деревнями считаются. Но то ли из вежливости, то ли с искренним любопытством грек разглядывал город и одобрительно кивал.

– Красивое место, приятное. А еще видно, что молодой город, полный сил.

– Покойный князь эти места очень любил, – встрял в разговор болтливый Никита. – Говорил, что это издревле город особый, с большой судьбой. «Да будет сей град для великого княжества и глава всем» – вот так вот вещал. Заверял, что тут еще Владимир Креститель строить начал, который Креститель. Хотя все знают, что это Мономах город заложил. Смешно было! Князь речь про старину ведет, а в толпе его слушают старики, которые сами основание застали!

– Ты-то откуда знаешь? – спросил Олег.

– Так я здесь родился! Потом по миру ходил, но раз в пару лет обязательно возвращался. Пока меня в монахи не запихнули, – расстрига поморщился.

Они подъехали к восточному входу в город – высоким Серебряным воротам. Толстые темными створки были украшены железными вставками и двумя большими блестящими кольцами, будто правда сделанными из серебра.

Двое караульных бегло осмотрели путников и без лишних вопросов пропустили их в город.

– Достойный такой въезд, – отметил Василий.

– Это еще что! На западе Золотые ворота стоят, вот там совсем загляденье, – гордо заявил Никита.

– Правда из золота сделаны?

– Нет, конечно! Медь золоченая. Но в Киеве так же – стоят медные ворота, а называют их Золотыми. Мы чем хуже?

По совету Василия они оставили коней в конюшне, чтобы не выделяться в городской толпе. Заплатив за корм и постой, путники решили не задерживаться у ворот – слишком уж много там было зазывал, которые все высматривали, кого бы им обсчитать и объегорить. Они свернули направо и пошли вдоль стены.

Добравшись до мест потише, путники стали искать, где бы утолить голод телесный – нервный завтрак на опушке никого не насытил. Побродив по улицам, они обнаружили спрятанную в переулке корчму. Внутри было темно, тепло и уютно.

– Хозяин, а дай нам чего-нибудь свежего поесть и холодного попить, будь милостив. И лучше побольше, – попросил Василий.

– Это вы вовремя, – сказал лысеющий корчмарь, закрывая бочку с соленой рыбой. – Баба моя как раз расстегай доготовила, он у нее такой – пальцы оближите.

– Повезло нам, – Василий улыбнулся и бросил на стол несколько кун. – А расскажи, что в городе твориться, какие новости?

– Да какие тут новости, – ответил корчмарь, быстро сгребая монеты. – Все про князя говорят нашего. Сгубил его кто-то, в своем же доме! Теперь непонятно кто да что будет.

– Начальники разве здешние ничего не делают? Может что-то затеяли?

– Бояре шепчутся о чем-то, тысяцкий ходит гусем надутым, княгиня все так же в тереме сидит со своими книжицами. Никому ни до чего дела нет! Подати собирают, а полкам не платят, за улицами никто не смотрит. Порядка и раньше мало было, а теперь уж совсем... Как дурной народ с ножами друг на друга до сих пор не полез – не знаю.

Вскоре жена хозяина – коренастая женщина с толстой светлой косой – вынесла еще дымящийся расстегай. Корчмарь не приукрашивал: угощение действительно было сказочным. От горячей пищи и колодезной воды стало спокойно и приятно.

– Вот чего скажу: хорошо у вас кормят – прокомментировал Василий, осторожно смахивая крошки с рукавов. – Еда не изысканная, без придумок, но добротная.

– А что в Царьграде едят? – с любопытством спросил Олег. – Какие-нибудь золотые сладости?

– Это редко. В основном рыбу, очень много самой разной рыбы. Даже соусы у нас из рыбы. Знали бы вы аромат великого гарума...

– Так ты на самом деле грек? – Никита удивленно поднял брови. – Я-то думал, что прикидываешься! А правда, что у вас по улицам железные львы ходят, а по небу железные птицы летают?

Лицо Василия странно дернулось, исказилось в мрачной гримасе. Его будто плетью хлестнули. Но грек быстро взял себя в руки и пренебрежительно пожал плечами

– Это просто механические игрушки царского дворца, чтобы впечатлять иностранных послов. Да и они уже не работают. Царство наше уже не то, каким было.

– Худо там стало? Ты поэтому уехал?

– И да, и нет, – Василий выглянул в маленькое окошко под крышей. – Смотрите, солнышко уже высоко, полдень скоро. Пора бы нам идти.

Олег пристально посмотрел на грека. Раньше он был разговорчив, даже болтлив, с удовольствием говорил на любые темы. Но стоило спросить о его прошлом – сразу закрылся. Странно это.

Они вернулись на улицу и пошли в верхнюю часть города, к кремлю. По пути все трое с удовольствием глазели на виды и людей.

Во Владимире по соседству стояли самые разные постройки. Маленькие, еле заметные полуземлянки терялись рядом с большими ремесленными дворами. Скромные срубы прятались в тени с высоких теремов, из которых доносились запахи больших богатых обедов и веселые застольные разговоры.

Люди были похоже друг на друга еще меньше. Мимо трех путников проходили насупившиеся попы, кузнецы в покрытых сажей фартуках, присыпанные стружкой столяры, вечно потные строители, голосистые разносчики, болгарские, варяжские, литовские и Бог знает какие еще купцы и сотни других. Их разговоры и пересуды сопровождали лай собак, бляение и мычание скотины, стук инструментов прочей шум большого город.

Сколько душ живет во Владимире никто точно не знал. Столько народу не считаешь. Но говорили, что за стены набились уже тридцать тысяч человек.

Больше на Руси были только Новгород и Киев. Там, как рассказывали, поселились уже по сто тысяч. Ну или жили десять лет назад, пока туда не вошел Боголюбский со своими войскам.

– «Так же было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили» – с набожным видом процитировал Никита, осматривая улицы. – «Но в день, в который Лот вышел из Содомы, пролился...» Что там пролилось-то? Что-то неприятное было.

Олег подумал, что долго жить в таком месте не смог бы: слишком он привык к простору. Но ненадолго погрузиться во всю эту сутолку было приятно, как горячей водой облиться.

– И чего здесь канавы такие грязные? – брезгливо морщась спросил Василий. – Вроде дороги подметают, а на обочине сплошь грязь да помои.

– А зачем канавы чистить? – удивился Никита. – Известно ведь, это для колдунов, помучать их.

– Каких колдунов?

– Да как ты не знаешь?! Когда колдун умирает, черти его душу по рвам и канавам как раз и возят, чтобы помучать. Только потом в ад. Вот люди туда и сорят, чтобы грешникам смерть медом не казалась.

– Вот как, – Василий вежливо кивнул. – А что, много колдунов в городе?

– Да вроде не было. Но если заведутся – намучаются.

Владимирские холмы были покатыми, подниматься и спускаться по ним было легко. Вскоре Олег со спутниками подобрались к невысоким толстым стенам кремля.

– Где вы там с этим дворовым встретиться должны? – спросил Василий, осторожно озираясь.

– Вон там, – Никита указал на потемневший от времени терем под стеной. – Вы где-нибудь здесь в переулке подождите, а я...

– Нет, дражайший, мы с тобой пойдем, – возразил Василий.

– А надо ли? Они ведь только меня ждут, не вас, – усомнился Никита.

– Так ты скажи им, что Яким передумал и решил нас с тобой отправить. Ну, смелее!

И грек бодро зашагал к терему. Олег последовал за ним не сразу. Вместо этого он наклонился к уху Никиты и медленно отчеканил:

– Если выкинешь чего-нибудь, сдашь нас – я тебя из-под земли достану. Нигде не спрячешься, своими же руками удавлю, понимаешь?

– Не дурак, все разумею, – расстрига весело подмигнул.

Олег успел присмотреться к Никите. Похожих ушлых мужиков он часто видел на деревенских ярмарках и постоянных дворах. Они всегда были готовы наобещать с три короба, продавали что угодно, брались за любую работу. А потом так же легко забывали об обещаниях, отдавали порченный товар и бросали дело на середине. Жили они своими страстями и интересами, не заморачиваясь тяжелыми мыслями.

С такими интересно болтать и выпивать. А вот на дело их брать опасно.

Они поднялись по скрипучим ступенькам на широкое крыльцо. У стены, свернувшись калачиком, лежал черный кот. На незваных гостей он смотрел осуждающе, как хозяин дома, чей сон внезапно потревожили.

Никита откашлялся, отряхнул свой изношенный кафтан и постучал в дверь. С другой стороны быстро раздалось:

– Кого несет?

– Писарь я кучковский, от Якима! – громко ответил Никита. – За грамотой приехал!

Дверь открылась. В проеме стоял хмурый приземистый мужик лет тридцати. Его красная рубаха была расшнурована до середины, открывая волосатую грудь, а на поясе покачивалась половецкая сабля. На вид оружие было дорогим. Слишком дорогим для дворового.

– Не голоси тут! – прошипел он и с подозрением посмотрел на Василия и Олега. – Чего вас так много? Говорили только двух ждать.

Олег посмотрел на Никиту. Глупо было доверять этому расстриге. Сейчас решит, что ему за верность прошлые хозяева доплатят, или просто из вредности сдаст.

Никита обернулся к Олегу. И улыбнулся.

– Этого вот витязя барин в охрану дал. А это, – Никита указал на Василия, – муж ученый. Для другого дела нужен, тебя не касается.

Дворовой недовольно покачал головой, но больше ничего спрашивать не стал.

– Заходите, нечего на улице языками молоть.

Внутри было темно, пахло сыростью и мхом. Сени вели в длинную комнату, где из мебели был только низкий стол и лавки, на которых сидели еще четверо. Все были в кольчугах, вооруженные, с мрачными дублеными лицами.

– Привет, воины! – Никита кивнул им. – Как поживаете?

Ему никто не ответил.

– Что там с Михаилом? Договорились? – спросил дворовой.

– Договорились, как же еще. Взял деньги, едет сюда править.

– Сколько с ним дружины?

– Точно не скажу, – Никита пожал плечами. – Но вроде человек двести, не больше.

– Всего-то? Да уж, надолго он тут не удержится.

Олегу хотелось плюнуть дворовому в лицо. Но он был прав: защитить такой город с двумя сотнями бойцов будет нелегко. Особенно если враги и снаружи, и внутри.

– Когда доедет?

– Не знаю, наверное... – Никита задумчиво растягивал буквы и косился на Василия. Тот быстро понял намек.

– Совсем скоро придет, мы еле успели вперед него, – сказал грек. – Торопиться нужно.

– Да чтоб ему... Ладно, успеем, – дворовой обратился к бойцам. – Вы двое! Идите к тысяцкому и к купцам, скажите, что ворота князю закрывать не нужно. Раз с миром пришел, то пусть пока сидит. А мы к хозяйке побежим.

Двое бойцов встали с мест и вышли из терема. Двигались они быстро и резко, как волки на охоте.

Олег тихо выдохнул. Значит, если бы Михаил не согласился на сделку с Якимом, то глава городского ополчения и купцы просто не пустили бы его во Владимир. Такое случалось и раньше, но только в бунташных городах вроде Новгорода. А теперь вот и в Залесье началось.

Плохо дело. Получается, что никому в городах верить нельзя. И как только Кучковичи успели столько пособников себе подвязать? Сколько же они заговор готовили?

– Славно, славно, – Никита потер ладони, – Тогда давай грамоту и мы пойдем, да?

– Не спеши. Княгиня велела тебя к ней в дом отвести, от нее все и получишь.

– Зачем это к ней?

– Не знаю, писарь ей нужен. Тебе какая разница? – огрызнулся дворовой. – Если надо – пойдешь, никуда не денешься.

– А друзья мои?

– Да пусть хоть на небо улетают, хоть под землю закапываются. Мне все равно.

– Если дозволишь – мы бы пошли с вами, – скромно сказал Василий. – Хотим выразить почтение княгине.

Дворовой пожал плечами и пошел к выходу. Олег же был занят неприятной мыслью. «Княгиней» во Владимире могли называть только одну женщину – вдову покойного князя Андрея, Улиту Кучковну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.